

Политический тупик «государственного социализма» (ноябрь 1938 – апрель 1939).

Преобладание социалистов в Учредительном собрании, конфликты Х.Буша и Э.Бельмонте с правоконсервативной элитой способствовали укреплению влияния левых сил в стране. Крайне левый политический фланг занимала Рабочая партия (ПОР), основателями которой были Х.Агирре Гайнсбург и Т.Мароф. В октябре 1938 г. на 2-ой конференции партии произошел разрыв Т.Марофа и его сторонников с троцкистской ПОР якобы по идейным соображениям. Т.Мароф увел за собой большинство и создал в ноябре 1938 г. Социалистическую рабочую партию Боливии (ПСОБ). С ним ушли ведущие деятели ПОР: Э.Арсе Лоурейро, А.Валенсия Вега (Иван Кесвар), А. Мендеса Лопес.

Создание Т.Марофом новой партии приветствовали националистические и реформистские политики, в том числе, газета "Ла Калье". Мароф ещё в конце 1937 г. пока находился в Сукре вел переговоры с властями, результатом которых было его согласие на поддержку режима «государственного социализма». Тогда Генштаб по поручению президента отправил в Сукре полковника Гаррона для конфиденциальной встречи с Марофом, с целью выяснить его намерения и провести переговоры с тем, чтобы привлечь влиятельного левого лидера на сторону режима. На конфиденциальных встречах с Гарроном Т.Мароф заверил военных в своей лояльности и желании сотрудничать с ними «со всей сердечностью и в духе гармонии». Также он отмежевался от коммунистов и марксистской агитации. Более того, он подчеркнул, что все его прошлые выступления, статьи и книги выдержаны «в духе глубокого национализма». Во избежание недопонимания с властями он просил личной аудиенции у президента Х.Буша или другого государственного руководителя, чтобы убедить их в своем искреннем желании сотрудничать с социалистическим режимом⁶⁹⁷. Создание ПСОБ было политически

⁶⁹⁷ Докладная записка полковника Гаррона в Генштаб от 22 ноября 1937 г. - ANB.PG. 1937. C.13.T.166. (PG7217).

подготовлено еще до идеологических дискуссий в ПОР. ПСОБ мыслилась как партия поддержки военных на крайне левом политическом фланге.

В манифесте ПСОБ говорилось: «Единственная возможность освобождения Боливии – это создание социалистической экономики и защита национального достояния с опорой на народ и армию». Первые марофисты признавали ведущую роль армии в социалистических преобразованиях, тем самым выражали поддержку военно-социалистического режима, что было неудивительно, учитывая договоренности между Т.Марофом и правительством. ПСОБ заявляла о политическом плюрализме как принципе строительства новой партии: предлагалось сформировать конфедерацию социалистических партий и групп. Создание ПСОБ поддержали не только троцкисты и «стойкие марксисты» такие как, Иван Кесвар (А.Валенсия Вега) или Э.Арсе Лоурейро, но и индеанисты, и националисты, например, под манифестом партии есть подписи В.Гевара Арсе, а также одного из видных деятелей силестской партии, а затем Социалистической конфедерации А. Мендоса Лопеса, рабочего лидера и депутата Учредительного собрания Р.Вильярроэля Клауре⁶⁹⁸. К ПСОБ присоединился основатель Варисаты - Э.Перес. Индеанистская и националистическая составляющая была важной частью марофизма. Первоначально ПСОБ и сам Т.Мароф имели большой успех. По свидетельству мексиканского посла в Боливии, партия Т.Марофа превосходила своей численностью и влиянием все новые партии, в том числе и "республиканцев-социалистов" (бывших сааведристов) Г.Госалвес⁶⁹⁹. Т.Мароф повсюду выступал с лекциями, публиковал статьи, пропагандируя свои «новые идеи» об особенностях боливийского социализма, что на деле было воскресением его прежних индеанистских, полусоциалистических воззрений⁷⁰⁰. Т.Мароф стремился отмежеваться от своего марксистского прошлого. Он заявлял, что никогда не входил ни в какие международные организации, тем более, в коммунистические⁷⁰¹.

Очередной его вираж, на этот раз разрыв с троцкизмом, вполне объясним. Т.Мароф, несмотря на свое участие в марксистском движении, собственно никогда не был марксистом. Его идеалом была широкая массовая рабочая партия с размытыми идеологическими границами, без жестких доктринальных установок, типа лейборист-

⁶⁹⁸ La Calle. 06.11.1938.

⁶⁹⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 30 de noviembre de 1938. 30 – 3 – 16.

⁷⁰⁰ La Calle. 16.11.1938.

⁷⁰¹ La Calle. 13.11.1938.

ской в Англии. Он не был ни троцкистом, ни сталинистом, ни марксистом. Марксизм, даже в его примитивном, вульгарно-доктринальном виде, он не усвоил. Его поведение было во многом типичным для леворадикальной интеллигенции в Латинской Америке. Либорио Хусто⁷⁰² называл его "социалистующий либерал". В 1939 г. Л.Хусто писал своим друзьям в Боливию: «Мы не можем согласиться с вашей защитой Т.Марофа и ПСОБ. Я хорошо знаю Т.Марофа..., чтобы быть уверенным, что он не имеет ничего общего с марксизмом..., поэтому мы всегда выступали и выступаем против него, но не по личным соображениям. Начиная с разрыва с Х.Агирре Гайнсборгом на съезде ПОР, Т.Мароф показал со всей очевидностью свою тенденцию к размытому, пустому, мелкому "социализму", граничащему с буржуазным либерализмом, не имеющим ничего общего с марксистским классовым, революционным социализмом. И то, что против него выступают сталинисты из ПИР (как и он против них), еще не свидетельствует о его революционности."⁷⁰³ Крупнейший боливийский историк и политический деятель Г.Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотел бороться со Сталиным за "чистоту" марксистско-ленинских идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступал против марксизма, и со временем покидал ряды троцкизма.⁷⁰⁴

С момента своего возвращения в Боливию Т.Мароф стал поддерживать военно-социалистический режим и лично Х.Буша. В 1938 г. Мароф издал книгу "Социалистическая правда в Боливии", где полностью покинул свои прежние политические позиции. Он уже выступал против национализации горнорудной промышленности. В этой связи Т.Мароф полностью поддержал экономическую политику Х.Буша. Он подчеркивал, что видит боливийский социализм исключительно как антиимпериалистическое государство, а, следовательно, поддерживает националистическую политику правительства⁷⁰⁵. Впрочем, союз с режимом Х.Буша был недолговечным.

23 ноября 1938 г. полиция организовала провокацию, направленную против ПСОБ и Т.Марофа, которых обвинили в организации заговора и мятежа. Т.Мароф поспешил в посольство Испании,

⁷⁰² Либорио Хусто (Кебрачо) – видный аргентинский троцкист. Сын президента Аргентины ген.Хусто. Активно участвовал в политической жизни Боливии.

⁷⁰³ Justo L. Bolivia:la revolución derrotada. Cochabamba, 1967. P. 104.

⁷⁰⁴ G.Lora. Op.cit., p.310.

⁷⁰⁵ La Calle.11.11.1938.

где попросил убежища.⁷⁰⁶ На следующий день Х.Буш отмежевался от действий полиции против Т.Марофа. Правые военные во главе с ген. К.Кинтанилей потребовали выслать Т.Марофа из страны или сослать его в провинцию. Первоначально Х.Буш согласился на его высылку в Сукре, затем под давлением слева отменил свое решение, и Т.Мароф остался в Ла-Пасе. Условием был уход Т.Марофа с поста лидера ПСОБ, чего добивались другие левые партии, болезненно воспринимавшие рост марофизма.⁷⁰⁷ Даже после этих событий марофисты оставались самой крупной левой партией в стране.

Марофисты продемонстрировали своё решающее влияние на рабочее движение во время 2 общенационального рабочего конгресса⁷⁰⁸, прошедшего с 22 по 30 января 1939 г. Все дискуссии проходили при «интеллектуальной гегемонии» члена ПСОБ А.Валенсия Вега (Ивана Кесвара) и самого Т.Марофа. Формально это был съезд ССТБ, против которой выступали анархо-синдикалистские ФОЛ и ФОТ, объявившие конгресс детищем бюрократической работы правительства.⁷⁰⁹ Провинциальные федерации, где доминировали марофисты и те, кого в целом называли коммунистами, то есть и члены ПОР, ПСОБ, и марксистских кружков, прислали в столицу представительные делегации от Ла-Паса, Оруро, Потоси, Кочабамбы, горнорудных регионов Корокоро, Пулакайо, Унсия и др.

Конгресс, в работе которого участвовали мощные федерации железнодорожников и студентов (ФУБ), принял очень радикальную программу. Само место проведения конгресса, Колехио Айкаучо, и его размах свидетельствовали о заинтересованности правительства в партнерских отношениях с рабочими организациями. Целью правительства была нейтрализация влияния профсоюзов на развитие политической ситуации и поддержание с ними союзнических отношений. Х.Буш, помимо того, что считал себя законным выразителем интересов пролетариата, нуждался в рабочем движе-

⁷⁰⁶ Любопытно, что хорошо информированный, в том числе и со стороны левых полуполигальных организаций, неизвестный нам корреспондент Коминтерна в Боливии в своих сообщениях в Москву уверял о причастности Т.Марофа к "провокационному заговору" - РГАСПИ. Ф.495, оп.122, д. 1, л.45.

⁷⁰⁷ La Calle.30.11.1938.

⁷⁰⁸ Предыдущий конгресс трудящихся октября 1937 г (Оруро), на котором преобладали коммунисты, не был признан таковым большинством профсоюзов, поэтому конгресс 1939 г. также считался Вторым общенациональным.

⁷⁰⁹ La Calle.22.01.1938

нии как мощном орудии давления на олигархию. Вместе с тем, рабочее движение, левые партии все меньше влияли на принятие политических решений, отдаваясь от Х.Буша и его правительства. Все попытки левоцентристских сил образовать крупную политическую организацию не находили поддержки правительства, которое, казалось, было мало заинтересовано в формировании социально-политической опоры режима.

В связи с тем, что в мае 1938 г. ожидался выборы в новый конгресс, все политические партии стали готовиться к избирательной кампании. В конце 1938 г. группа депутатов левого сектора Учредительного собрания во главе В.Пас Эстенсоро, В.Гевара Арсе, А.Сеспедесом, поддержанные «Ла Калье», объявили об образовании Независимой социалистической партии (ПСИ).⁷¹⁰ В отличие от разношерстной Соцпартии Э.Бальдивьесо новое образование, ставшее ядром национал-реформистского течения, обладало ясными идеологическими и политическими ориентирами. Здесь уже не было соседства троцкизма, левого реформизма и фашизма. Прошедшие годы, опыт преобразований военно-социалистического режима привели к формированию «революционного национализма», боливийской разновидности национал-реформизма. И, хотя в этот период национал-реформисты четко еще не сформулировали свою программу, есть основание утверждать, что в лице этой партии возникло ядро, вокруг которого, наряду с газетой «Ла Калье» началось формирование будущей национал-реформистской МНР. В состав ПСИ вошли те деятели, которые уже определились в своих политических пристрастиях и взглядах на развитие Боливии.

После закрытия Учредительного собрания левые и левоцентристские проправительственные партии и отдельные политики предприняли очередную попытку создать единый фронт, союз, или точнее, второе издание Партии государственного социализма образца 1937 г. В декабре 1938 г. бывший председатель Учредительного собрания Ренато Реверин начал межпартийные консультации по объединению проправительственных, социалистических групп и партий⁷¹¹. В течение двух месяцев шли интенсивные переговоры об объединении национал-реформистов Независимой социалистической партии во главе с В.Пас Эстенсоро, социалистов Х.Тамайо, ветеранов ЛЕК, республиканцев-социалистов Г.Госалвесы. Эти три группировки договорились о создании Демократического социалистического союза (ДСС) во главе с

⁷¹⁰ Klein, H S. Parties and Political Change. P.302.

⁷¹¹ La Calle.13.12.1938.

Р.Реверином и Г.Госалвесом.⁷¹² В планы Госалвеса входило предложить Х.Бушу поддержку крупной левоцентристской партии, опираясь на которую тот мог спокойно идти на новые парламентские выборы. Идея объединения прожила ровно столько, сколько Г.Госалвес оставался на посту министра. С уходом из кабинета Г.Госалвеса в марте 1939 г. новорожденный союз развалился. Х.Буша мало интересовала перспектива демократической эволюции режима, судя по всему, уже тогда он склонялся к более радикальным решениям.

Левые группы все более переходили в оппозицию режиму. Влиятельный Народный фронт Потоси, являвшийся фактическим хозяином положения в городе, в апреле 1939 г. заявил о своем разочаровании в политике Х.Буша и отказал в политической поддержке центральной власти. Хосе Тамайо, один из лидеров основателей силлистской партии, а затем и Соцпартии, предпринял малоуспешную попытку воссоздать последнюю. Новая Социалистическая партия дистанцировалась от правительства. В политической жизни проявлялась отчетливая тенденция отхода левых партий от поддержки режима, что было чревато политической изоляцией правительства.

Удаление Г.Госалвеса из правительства и его отъезд из Боливии означали разрыв республиканцев-социалистов с «государственным социализмом» и Х.Бушем. Смерть Б.Сааведры 1 марта 1939 г. снимала проблемы личностного характера в отношениях между традиционными партиями, либералами, подлинными республиканцами и республиканцами-социалистами, которых теперь объединяла общая оппозиция к военным-социалистам. Традиционные партии предприняли усилия по восстановлению своих организаций. 22 марта эти партии после двухнедельных обсуждений совместной программы объединились в блок «Конкордансия» (Согласие). Новый партийный союз «Конкордансия» обнародовал написанный Д.Канеласом манифест, в котором потребовал возвращения военных в казармы и передачи власти традиционным партиям.⁷¹³ В экономической сфере олигархические партии призывали положить конец практике дифференцированных валютных курсов, ущемлявших интересы экспортеров. Кроме того, отдавая дань демагогическому ультрапатриотизму, «Конкордансия» отказывалась признать мирный договор 1938 г. и считала необходимым приступить к масштабной закупке вооружений для предстоящей реваншистской войны с Парагваем. Манифест был подписан смертель-

⁷¹² La Calle.08.03.1939.

⁷¹³ La Calle.14.03.1939.

ными врагами военно-социалистического режима Д.Канеласом, А.Аргедасом и бывшими его союзниками Э.Эрсогом, Х.Родасом Эгино.

Оживление либерально-консервативной оппозиции и явная фронда левых вызвали ярость Х.Буша, отказывавшегося признавать право традиционных партий на участие в политической жизни страны. Для него они были сборищем обанкротившихся политиков, ответственных за бедственное положение Боливии. Х.Буш освежил подзабытые идеологические постулаты «государственного социализма». В январе 1939 г. он использовал как повод обращение к живущим за рубежом боливийцам в связи с новым годом для идейно-политического наступления на либерализм и традиционные партии. В опубликованном послании Х.Буш писал: «Мы решили идти по пути умеренного социализма, типично боливийского, соответствующего нашей самобытности. Цель социализма – единство духа во всей боливийской семье, ликвидация привилегий и каудильизма, гармония труда и капитала, торжество социальной справедливости»⁷¹⁴.

Противостояние традиционным партиям компенсировалось «сердечными» отношениями с Патиньо и его приближенными. Пропатиньистскому окружению президента удалось добиться смещения с поста министра финансов реформиста В.Мендосу Лопеса. Причем олигархическое лобби проявляло изобретательность и находчивость, пользовалось левонационалистической риторикой в борьбе с самими реформаторами. Искренние религиозные убеждения В.Мендосы Лопеса были представлены Х.Бушу как свидетельство его якобы проклерикальной, проолигархической позиции. На его место был предложен и тут же утвержден Х.Бушем человек «баронов олова» и банкиров Сантьяго Шульце.⁷¹⁵ Ключевой экономический пост вновь оказался в руках патиньистской партии.

Хотя олигархии удалось поставить своего человека на ключевой пост в кабинете, ориентация Х.Буша на радикальное решение стоящих перед страной экономических и социальных проблем путем установления «тоталитарного режима» осталась неизменной. За поддержкой Х.Буш обратился к иностранным государствам, рассчитывая найти понимание и помощь у великих держав. 9 апреля 1939 г. он встретился с германским послом Вендлером, с которым консультировался о возможной «моральной и материальной поддержке Германией» Боливии в случае установления тоталитарного антикоммунистического режима. В то же самое время в Гер-

⁷¹⁴ La Calle. 11.01.1939.

⁷¹⁵ El Diario. 01.04.1939.

мании обсуждалось создание в Южной Америке профашистского блока государств в составе Перу, Аргентины и Боливии. Германский посол, безусловно, приветствовал планы Х.Буша, однако Берлин ответил, что не рекомендует связывать переход к тоталитарным формам правления с поддержкой Германии⁷¹⁶. Немцы только предложили своих политических советников, и Х.Буш остался разочарован. Ориентации на Германию не получилось.

Вторая половина 30-х годов в Латинской Америке характеризовалась формированием двух противостоящих блоков государств, ориентировавшихся на «державы оси» и на демократические страны. Идеологические и политические симпатии правителей латиноамериканских стран порой вступали в противоречие с их непосредственными экономическими интересами.

Внешняя политика военных-социалистов отличалась крайней противоречивостью. Своего рода экзаменом во внутренней и внешней политике «государственного социализма» стало отношение к гражданской войне в Испании. Хотя Боливия официально придерживалась позиций невмешательства и нейтралитета в испанской войне, отношение политических партий к сторонам конфликта отражало общий расклад сил в обществе. Консервативные политики, газеты «Эль Диарио», «Ла Расон», «Ультима Ора» демонстрировали свою поддержку и солидарность с франкистами. Рабочие и левые организации безоговорочно встали на защиту дела республиканцев и Народного фронта.

Против франкистского мятежа яростно выступила Социалистическая партия и газета «Ла Калье». При этом нельзя забывать, что многие члены партии и журналисты «Ла Калье» симпатизировали итальянским фашизмом и германским нацизмом. Учитывая, что Муссолини и Гитлер участвовали в войне на стороне Франко, было бы логичным ожидать такого же поведения от их адептов в Латинской Америке, в том числе и в Боливии. Между тем боливийские социалисты, при всех своих симпатиях к национал-социализму и фашизму, во многом оставались очень своеобразным идеологическим и политическим феноменом. Они не всегда следовали за своими кумирами.

С началом гражданской войны франкистская пропаганда сравнивала «Крестовый поход 1936 г.» и завоевание Америки, подчеркивая миссию Испании в упрочении католицизма и традиционных ценностей. Хотя франкизм сконцентрировался на критике либерализма, его гегемонистские по отношению к Америке идеи вызыва-

⁷¹⁶ Blasier C. The United States, Germany and the Bolivian revolutionaries (1941 – 1946) // NAHR. Vol.52. February, 1972. No.1. P.28

ли оппозицию даже среди единомышленников право-консервативного толка⁷¹⁷. Для радикальной «Ла Калье» франкизм был явлением одного порядка с боливийским консерватизмом и клерикализмом. Франкистский лозунг «Евангелизация против коммунизма» и идея новой империи отталкивали антилиберальных политиков, националистов, которые при иных идейных постулатах могли бы быть союзниками. Традиционалистские лозунги Франко не могли вызвать симпатий у боливийских радикалов, решительно вставших на сторону испанских республиканцев и Народного фронта. Во взглядах боливийских национал-реформистов (социалистов, «Ла Калье») сочетались не только антилиберализм, национализм, ксенофобия и антисемитизм, но и антиолигархические, антиимпериалистические и социалистические воззрения.

Большое значение для социалистов и самого режима имело заявление мексиканского МИДа о безусловной поддержке республиканского правительства Испании. «Ла Калье» напечатала это заявление и в дальнейшем посвящала целые страницы освещению войны в Испании, выражая солидарность с республиканцами.⁷¹⁸ Позиция «Ла Калье» и социалистов оказала решающее влияние на политику военных-социалистов в этом вопросе. Франкистское правительство обратилось к Боливии с просьбой о признании и установлении «сердечных отношений». Боливия оставила это обращение без ответа.

В октябре 1936 г. в Мадриде был убит боливийский посол. Ухватившись за этот инцидент, поверенный в делах Италии в Боливии использовал все своё влияние, в основном в среде пылких поклонников Муссолини из числа боливийских военных и членов кабинета, чтобы добиться разрыва правительства Д.Торо с испанскими республиканцами и признания Франко. Однако даже в этих обстоятельствах итальянцам не удалось достичь своей цели. Д.Торо не желал создавать внешнеполитических осложнений для своей страны в споре, исход которого был ещё далеко не ясен.⁷¹⁹

Правительство Х.Буша продолжало линию Д.Торо. В июле 1937 г. чилийское правительство запросило мнение Боливии о предварительном признании Франко. Ответ министра Э.Финота был однозначным: Боливия продолжит политику невмешательства и считает несвоевременной постановку вопроса о признании

⁷¹⁷ Pardo Sanz, R.M. ¡Con Franco hacia Imperio! La política exterior española en América Latina. 1939 - 1945. Madrid, 1995. P.39 - 40.

⁷¹⁸ La Calle. 13.08.1936; 12.10.1936.

⁷¹⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. 1936. Rebelion en España. Informe de 19 de agosto 1936. III - 767 - 2, f. 1

Франко⁷²⁰. При всех симпатиях видных деятелей правительства, да и самого Х.Буша, к союзникам франкизма германскому и итальянскому фашизму, военные-социалисты не поддерживали мятеж Франко. Если национал-социализм и фашизм выглядели в их глазах революционными антилиберальными националистическими движениями, близкими по духу самим военным-социалистам, то Франко ассоциировался со «старым режимом» и олигархией. Идеологический рупор режима газета «Ла Калье» при всем своем «антиинтернационализме» и антикоммунизме до конца войны активно поддерживала испанских республиканцев⁷²¹. Даже в конце 1938 г. правительство делало прореспубликанские жесты. Так, глава кабинета Г.Госальвес распорядился запретить вывешивать франкистские знамена в «день расы», так как Боливия не признавала Франко⁷²².

Однако, официально боливийское правительство сочло необходимым присоединиться к череде признаний Франко большинством латиноамериканских государств в феврале 1939 г., когда исход гражданской войны был уже предрешен. Первоначально Боливия сделала запрос о позиции Мексики и, получив ответ из Мехико о категорическом неприятии франкистского правительства, выразила понимание мексиканской позиции, но тем не менее, присоединилась к общему хору латиноамериканских государств.⁷²³

Оборотной стороной внешнеполитического курса режима были демонстративные пронацистские акции МИДа и официозной прессы. Стали нормой профашистские выступления членов кабинета и видных политических деятелей. Пронацистские настроения были широко распространены среди военных и политиков. С приходом к власти военных-социалистов резко интенсифицировались разносторонние связи с фашистскими государствами. В октябре 1936 г. в Боливию прибыла итальянская миссия для обучения полиции страны. Делегацию в Риме торжественно провожал сам граф Чано, который призвал «посланцев» нести в Новом свете «откровение» фашизма. В Боливии на этой волне профашистского энтузиазма

⁷²⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Guerra en España. Cable de 05 de julio de 1937. III – 767 – 2.

⁷²¹ Knudson J. Op.cit., P.60 – 61.

⁷²² Письмо Г.Госальвес – шефу полиции Ла-Паса от 11 октября 1938 г. – MIN.RREE. 1938. M.IN. 1 - 109 (0112).

⁷²³ SRE.México. Legación en Bolivia. Guerra en España. Informe de 24 de febrero de 1939. III – 767 – 2.

возник Национал-социалистический легион ветеранов Чако, симпатии которого к нацизму были очевидны⁷²⁴.

Связи Боливии с нацистской Германией носили сердечный характер. Полковник Х.Санхинес, назначенный Д.Торо послом в Германии, на вручении верительных грамот Гитлеру 12 ноября 1936 г. говорил: «Мы в Боливии с восхищением наблюдаем за поступью национал-социалистической Германии, ибо сами идем тем же путем строительства национального социализма, программу которого наша страна выстрадала в ходе тяжелой войны в Чако. Особенно мы приветствуем политическую концепцию гитлеровского режима, противостоящего разрушительной и анархистствующей тенденции советского коммунизма»⁷²⁵. В ответной речи Гитлер подчеркнул: «Тот факт, что Боливия видит в коммунизме врага своей конструктивной деятельности, не может не радовать и является основанием взаимопонимания между нашими народами»⁷²⁶.

В своем отчете о беседе с Гитлером посол Х.Санхинес с удивлением отмечал «хорошую осведомленность фюрера о политическом развитии Боливии и строительстве национал-социализма правительством Д.Торо», из чего не без основания делал вывод об интенсивной работе германского посольства в Ла-Пасе, подробно информировавшего Берлин обо всем происходящем в Боливии. Кроме того, Гитлер упомянул о старых традиционных связях и добрых отношениях между боливийскими и немецкими военными⁷²⁷. Отношения военных-социалистов с Германией оставались дружественными, несмотря на наличие некоторых раздражителей, как, например, позиции Боливии в гражданской войне в Испании или в вопросе о еврейской иммиграции. Немцы предлагали помощь в реорганизации армии, в воспитании молодежи. Германские власти заявляли о своей готовности принять любое количество офицеров на обучение, а Гитлерюгенд приглашал многочисленные юношеские боливийские делегации в Германию на отдых и учебу⁷²⁸.

Фашистское влияние на военных-социалистов было огромным. В подражание европейским фашистам боливийские военные принимали законы и акты, вызывавшие справедливое возмущение

⁷²⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Revista política. Octubre. 1936. 27 – 29 – 13. ff.29 – 30.

⁷²⁵ MIN.RR.EE. 1936 - 1937. Alem. 1 - R - 14, f.128.

⁷²⁶ MIN.RR.EE. 1936 - 1937. Alem. 1 - R - 14, f.129.

⁷²⁷ MIN.RR.EE. 1936 - 1937. Alem. 1 - R - 14, f.131 – 132.

⁷²⁸ MIN.RR.EE. 1936 - 1937. Alem. 1 - R - 14, f.154; MIN.RR.EE. 1936 - 1937. Alem. 1 - R - 15, f.34.

внутри страны и за рубежом. Дело доходило до позорящих страну акций официальных властей Ла-Паса. Когда в ноябре 1937 г. пост министра сельского хозяйства занял неистовый антисемит и, как он сам себя называл, национал-социалист полковник В.Мендес, его ведомство, казалось бы, второстепенного ранга, занялось чисто политическими вопросами, в том числе и внешнеполитическими.

В.Мендес подготовил скандальный антиеврейский иммиграционный закон, который местами дословно повторял Нюрнбергские законы против евреев. Новые правила устанавливали обязательную регистрацию евреев в полиции, а также контроль за хозяйственной деятельностью еврейских иммигрантов, которым разрешалось заниматься лишь сельскохозяйственным производством в колонизируемых тропических районах страны⁷²⁹. Х.Буш сразу же подписал проект закона, который затем пришлось срочно отменять под давлением общества и дипломатов, а также поддаваясь разумным уговорам и доводам членов кабинета.⁷³⁰ Однако вскоре, в 1938 г. МИД издал распоряжение о запрете еврейской иммиграции в Боливию. В такой многорасовой и полиэтнической стране как Боливия, пронацистские акции правительства вызвали не только гнев и возмущение, но и выглядели полным абсурдом. Ровно через день Хунта отменила это распоряжение МИДа, а затем даже заявила о поощрении еврейской иммиграции для колонизации востока страны.⁷³¹

14 марта 1938 г. было опубликовано очередное распоряжение, регулирующее еврейскую иммиграцию. Всем консульским учреждениям за рубежом предписывалось направлять просьбы о въезде в страну евреев в министерство сельского хозяйства. Разрешалось выдавать визы лишь тем, кто по своей профессии, мотивам и имущественному состоянию был способен участвовать в колонизации сельских районов востока страны. Более того, для временно выезжающих из страны евреев вводился особый режим, по которому они могли вернуться в Боливию, лишь заранее запасшись разрешением именно министерства сельского хозяйства⁷³². Националистическая пресса цинично объявляла такой режим образцом политики, лишенной всякого антисемитизма.

⁷²⁹ El Diario. 19.03.1938.

⁷³⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 3 de marzo de 1938. 30 – 3 – 16.

⁷³¹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 18 mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

⁷³² AA.1938.T.1.P.542 – 543.

Антисемитским актом выглядели и неуклюжие действия боливийского МИДа, протестовавшего против предоставления Парагваем права поселения на спорной территории в Чако 15.000 австрийским евреям. Проблема заключалась не в пронацистском курсе Боливии, а в недопустимости распоряжаться территорией, принадлежность которой Парагваю еще не была подтверждена международными соглашениями. По сути Боливия была права, но неуклюжее акцентирование еврейского вопроса повредило этому демаршу. Кроме того, Боливия официально обратилась к Германии с просьбой воспрепятствовать еврейской эмиграции из Австрии в Парагвай. Обращение было выдержано в пронацистских тонах и воспринималось как акт солидарности с антисемитской политикой Германии⁷³³. Многие страны, в том числе и США, заступились за еврейских иммигрантов из Европы, а Боливия была вынуждена оправдываться⁷³⁴. Лишь открытие страны для неограниченной еврейской иммиграции сняло напряженность вокруг Боливии, не без основания подозреваемой в прогерманском внешнеполитическом курсе и идеологических симпатиях. В июне 1939 г. министерство миграции вновь ввело ограничения на въезд в страну евреев, выделив квоту в 250 человек в месяц⁷³⁵.

Антисемитизм проник в боливийское националистическое движение, олицетворявшееся газетой «Ла Калье» и социалистами. Это был явно импортный политический товар. В «Ла Калье» с антисемитскими статьями выступал К.Монтенегро, для которого символом еврейского проникновения в Боливию был один из «баронов олова» Хохшильд. Антисемитские настроения усилились в конце 30-х годов, когда в Боливии стали появляться еврейские беженцы из Европы, искавшие убежища от нацистских преследований. «Ла Калье» утверждала в своих редакционных статьях, что евреи занимаются не производством, а торговлей и спекуляциями, обвинуя иммигрантов в эксплуатации боливийского народа⁷³⁶.

«Интеллектуальный» антисемитизм неожиданно нашел поддержку среди широких масс населения. Дело в том, что иммигранты активно скупали сельскохозяйственные угодья вблизи городов, а в маленьких городках становились владельцами магазинов, мастерских и других мелких заведений. Таким образом, появился слой боливийцев, продавших свои магазины или ремесленные мастерские, но потерявших в период инфляции и девальвации выручен-

⁷³³ MIN.RREE. 1937 - 1938. Alem. 1 – R – 15. ff.31-32.

⁷³⁴ Brien M.Op.cit., P.89.

⁷³⁵ La Calle..27.06.1939.

⁷³⁶ La Calle.10.12.1938.

ные от продажи средства, и винивших во всех своих бедствиях приехавших евреев. Эти мелкобуржуазные элементы подпитывали антисемитские настроения политических партий и движений националистического толка. Газеты комментировали первые бытовые стычки боливийцев и европейских евреев при переделе мелко-розничного рынка, конфликты по поводу еврейских магазинов, мест на рынке и прочее⁷³⁷. Хотя не стоит преувеличивать масштабы этого явления, тем не менее антисемитская риторика надолго стала частью лексикона националистических политиков.

В феврале 1939 г. еврейская проблема обсуждалась на «самом высоком» общественно-политическом уровне. В обществе «Друзья города Ла-Паса» известный философ Роберто Пруденсио⁷³⁸ прочитал лекцию, выдержанную в крайне пронацистских тонах. Оппонентом выступил либеральный политик Т.М.Элио, подчеркнувший неразрывную связь демократии с расовой, религиозной и классовой терпимостью. Он высказался за победу демократий перед лицом наступления тоталитарных режимов в Европе. На лекции присутствовали министры правительства К.Салинас Арамайя и Э.Дьес де Медина, которые не стали осуждать экстремизм Р.Пруденсио. Оба лишь настаивали на необходимости проводить избирательную иммиграционную политику, поощряющую колонизацию удаленных районов⁷³⁹. Антисемитизм стал составной частью идейного багажа боливийского национал-реформизма в 30 – 40-е годы. Впоследствии это нашло отражение в «Программе принципов МНР», в которой разоблачались «антинациональные происки международного еврейства»⁷⁴⁰.

По иронии судьбы разразившийся скандал с визами еврейским эмигрантам стал катализатором кризиса режима «государственно-го социализма». Как уже говорилось, с 9 июня 1938 г. правительство объявило о поощрении еврейской иммиграции для колонизации тропических районов востока страны.⁷⁴¹ Правительство, по примеру аргентинцев, хотело создать целые еврейские районы в Чако, заселив таким образом пустынные районы востока страны. В январе 1939 г. боливийское правительство издало указание полиции проверить род занятий всех недавно въехавших в страну евре-

⁷³⁷ La Calle.18.01.1938.

⁷³⁸ См. главу 2, §1.

⁷³⁹ La Calle.04.02.1939.

⁷⁴⁰ Lora G. ¿Fué revolucionario Carlos Montenegro? La Paz, 1987. P.48 - 49.

⁷⁴¹ El Diario. 10.06.1938.

ев. В случае если они не занимались сельским трудом в колони-
зуемых районах, их предписывалось высылать из страны⁷⁴².

При всех дискриминационных ограничениях для евреев Боли-
вия стала единственной страной в мире, разрешавшей в тот период
неограниченную еврейскую иммиграцию, хотя это вызвало недо-
вольство части офицерского корпуса и националистов. За год в
Боливию въехало 10 тысяч европейских евреев.⁷⁴³ Скандал разра-
зился, когда выяснилось, что боливийский консул в Париже
К.Виррьера выдавал въездные визы, получая «вознаграждение» по
20 тысяч франков за каждую. Газеты требовали расследования и
отставки замешанных в афере политиков. Первой жертвой пал ми-
нистр иностранных дел Э.Дьес де Медина.

Скандал привел в замешательство все руководство социалисти-
ческих партий, министров, военных. Х.Буш окончательно убедил-
ся в моральном упадке и коррупции государственной власти. В
марте - апреле 1939 г. Х.Буш переживал серьезный морально-
психологический кризис. Он был крайне неудовлетворен резуль-
татами своего правления. Вот уже несколько месяцев, как обсужда-
лись пути коренного изменения ситуации через установление то-
талитарного режима, который смог бы покончить с «разрушитель-
ным» политиканством и коррупцией. По убеждению Х.Буша об-
новление нации, её омоложение, могло произойти лишь благодаря
силе и энергии правителя. Всё это подталкивало к мысли о ликви-
дации демократического правления, к отказу от проведения выбо-
ров в Конгресс в мае 1939 г. и установлению диктатуры.

В марте 1939 г. умер один из соратников Х.Буша, самый моло-
дой министр, философ и выдающийся политик А.Селада. Смерть
близких товарищей, неудачи в политике и экономике угнетающе
действовали на президента. В апреле возникли серьезные пробле-
мы со снабжением городов продовольствием. Практически полно-
стью прекратились поставки мяса⁷⁴⁴. Правительство оказалось не-
способным противостоять обстоятельствам. Тогда Х.Буш твердо
принимает решение установить диктатуру и сделать личное энер-
гичное усилие, чтобы переломить ситуацию и начать строить «но-
вую Боливию».

В апреле 1939 г. завершился период «демократического» прав-
ления Х.Буша. С приходом к власти в июле 1937 г. Х.Буш не стал
вносить изменений в главное направление политических реформ,

⁷⁴² La Calle.15.01.1939.

⁷⁴³ Klein, H S. German Busch and the era of "Military Socialist" in Bolivia // HAHF.1965. vol.47. No.2.P.177.

⁷⁴⁴ La Calle.04.04.1939.

осуществлявшихся под знаменем «государственного социализма». Сила режима состояла в опоре на широкий политический фронт партий, движений, профсоюзов и армии. Попытки Х.Буша достичь национального единства путем механического совмещения в своем правительстве самых разнородных политических сил - от националистов, фашистов и левых социалистов до проолигархических деятелей правоконсервативного толка, привели лишь к постоянным переменам в политическом курсе и, в конечном счете, топтанию на месте в условиях нарастающего экономического и социального кризиса. Вялый ход реформирования, главным инструментом которого должно было стать Учредительное собрание, невнятность экономической политики раздражали не только президента, но и его сторонников и союзников. Вслед за радикальными заявлениями не следовало никаких значительных действий, серьезных преобразований. Власть так и не решилась подступить к самым болезненным точкам: к горнорудным монополиям и к аграрной реформе. Военные-социалисты не могли, и похоже не знали, как приступить к кардинальным преобразованиям.

Отсутствие реальных реформ разочаровывало в Х.Буше его союзников слева. Считавшие себя опорой режима, левые, антиолигархические силы требовали решительных действий и проведения настоящих реформ. Политическая реформа, на которую социалисты возлагали большие надежды, оказалась выхолащенной в частности из-за пассивного к ней отношения президента: корпоративистские планы так и остались лишь достоянием программ и манифестов самых радикальных партий, не найдя поддержки ни в обществе, ни во власти. Экономические преобразования не были начаты, а реформаторы так еще и не определились с методами и формами их проведения. Порой казалось, что даже ясные цели, не раз декларируемые режимом, были лишь умозрительными лозунгами, не имевшими отношения к действительным задачам правительства.

Общество не понимало, чего хотят военные-социалисты на практике, и все более и более отворачивалось от них. Отсутствие экономических успехов привело к свертыванию политической реформы, к усилению влияния традиционных политических партий, представлявших интересы олигархии. Единственное, чего достигло правление военных-социалистов, так это всеобщей убежденности в необходимости и неизбежности радикальных реформ. Провалы в создании проправительственной партии под социалистической или националистической вывеской доказали Х.Бушу слабость антиолигархических политиков и их неспособность сформировать реформистский блок, обладающий гегемонией в обществе. Экспе-

римент демократического правления военных-социалистов оказался неэффективным. Вывод, сделанный Х.Бушем из неудач реформирования, подвел его к мысли об установлении личной диктатуры как единственного выхода из политического тупика.

Диктатура Х.Буша и конец режима военных-социалистов.

Отсутствие реальных результатов правления, топтание на месте, продолжающиеся кризисные явления в экономике, а также усталость и раздражение от политической борьбы и дворцовых интриг были теми побудительными мотивами, которыми руководствовался Х.Буш в своем решении установить диктатуру. Большое впечатление на него оказывали «успехи» фашизма в Европе, о чем тогда повсеместно говорили. В тоталитарных режимах его привлекал представляемый нацистской пропагандой «романтический» образ национального единства, классового и социального мира, политической сплоченности народа, а также экономические успехи по преодолению безработицы и инфляции. Х.Буша мало интересовали подробности экономических реформ и реальности функционирования политической системы нацизма, его привлекала форма правления, не допускавшая формальной демократии, ставшей для него синонимом коррупции и политиканства.

Его советники и друзья, в первую очередь, К.Салинас Арамайо, человек яркой и трагической биографии⁷⁴⁵, в эти годы метавшийся между социалистическими идеями и профашистскими увлечениями, подталкивали Х.Буша к диктатуре левореформистского типа. К.Салинас Арамайо приложил немало усилий к подготовке президента к резкой смене курса и установлению диктатуры. За диктатуру стоял и министр внутренних дел В.Лейтон, имевший репутацию левого политика. Однако, многим наблюдателям тогда казалось, что речь идет о диктатуре фашистского типа.

24 апреля 1939 г. Х.Буш ко всеобщему удивлению объявил об установлении диктатуры. Он обратился к нации с манифестом, в котором подробно изложил свою биографию, свое служение на

⁷⁴⁵ Он был расстрелян при профашистском правительстве Г.Вильярроэля в 1944 г. как представитель «продажной, проамериканской олигархии».

блага страны. Он подчеркивал, что разочарован в эффективности власти, погрязшей в коррупции, обвинял правящие круги, чиновничество, прессу, партии в аморальном отношении к собственной стране.⁷⁴⁶ Х.Буш констатировал, что три года «государственного социализма» ни к чему не привели: не было достигнуто ни одной цели, поставленной майской революцией 1936 г. Он напоминал, что правые политические силы требовали от военных уйти в казармы, а в этих призывах Х.Буш усматривал опасность разжигания вражды между армией и народом, чреватой гражданской войной. Х.Буш указал на опасность раскола армии, над чем трудились правые партии, побуждая консервативную верхушку вооруженных сил удалить реформистское руководство и подготовить возвращение к власти олигархии. Как показали события, впоследствии именно этот сценарий и был осуществлен.

Х.Буш призывал страну к «омоложению», построению нового общества, свободного от олигархической реакции и левого экстремизма. Х.Буш говорил: «Сегодняшняя жизнь нации контролируется привилегированными финансовыми группами, стремящимися поглотить всю государственную власть, провоцируя рост экстремистских тенденций в обществе, которые могут разрушить все государственные институты... Я выше этих тенденций и интересов, я с Боливией... Я понимаю всю значимость своих решений и осознанно принимаю всю ответственность на себя. Я беру в свои руки всю полноту власти»⁷⁴⁷.

Политические гарантии конституции и действие республиканских институтов власти были отменены. Конгресс был официально распущен, а предстоящие выборы откладывались на неопределенное время. Декрет, подписанный всем кабинетом министров, аннулировал мандаты депутатов, но обещал всеобщие парламентские выборы в будущем. Хотя провозглашалось действие конституции 1938 г. в разделах не противоречащих декрету о диктатуре, демократический механизм власти был ликвидирован⁷⁴⁸. Страна стала управляться путем декретов. Министр В.Лейтон заявил осаждавшим его журналистам: «Сейчас речь идет о диктатуре, которая имеет единственную цель – подготовить страну к подлинной демократии... Что же касается аннуляции мандатов депутатов собрания, то мы лишь сделали то, о чем единодушно просит вся стра-

⁷⁴⁶ El Diario. 25.04.1939.

⁷⁴⁷ El Diario. 25.04.1939.

⁷⁴⁸ La Calle. 25.04.1939.

на»⁷⁴⁹. Переворот выглядел как чисто каудильистское, типичное для латиноамериканских стран *пронунсиамьенто*.

Большинство народа ещё испытывало большие симпатии к Х.Бушу и поэтому одобрило его действия. Некоторые левые сразу поддержали действия Х.Буша. Среди них был Т.Мароф.⁷⁵⁰ Однако, левые в своем большинстве осудили переворот. 26 апреля в «Ла Калье» появилась резкая антипрезидентская статья А.Сеспедеса. Он осуждал действия президента, ибо усматривал в них попытку возвращения к власти олигархии. Его не пугала диктатура, даже наоборот: «Если бы речь шла об установлении тоталитарного режима, тогда государство поставило бы свои интересы выше частных лиц и освободилось бы от влияния империализма. Эта система эффективнее любой демократии. Опасность состоит в том, что тоталитарный режим должен возникнуть из социальной революции, а сейчас мы имеем дело с установлением диктатуры, сохранившей без изменения всю обветшалую, громоздкую и неповоротливую структуру демократии». А.Сеспедес обвинил олигархию в желании подчинить себе президента, наделив его диктаторскими полномочиями⁷⁵¹.

В оппозиции к диктатуре оказались самые верные союзники режима военных-социалистов, газета «Ла Калье», социалисты. 1 мая 1939 г. А.Сеспедес, Ф.Эгино Савалья, В.Пас Эстенсоро, В.Гевара Арсе, К.Мединасели и другие опубликовали манифест, в котором наряду с протестом против диктатуры, оставляли открытой дверь для сотрудничества с Х.Бушем. В документе говорилось: «Перед всеми боливийцами возникла дилемма: поддержать или объявить войну диктатуре. Если диктатура будет способна освободить государство от подчинения интересам олигархии и империализма, то должны быть приняты радикальные меры, например, национализация Горнорудного банка, строгий контроль за экспортом как единственный способ удержать в стране национальные богатства, строгий контроль над банковской системой,... строительство оловоплавильных заводов в Оруро и Потоси, ограничение латифундий... Если диктатура способна решить фундаментальные проблемы страны, то без сомнения вся нация за исключением олигархических факторий пойдет за диктатором»⁷⁵². После опубликования этого манифеста «Ла Калье» была временно закрыта по приказу Х.Буша. Через 20 дней газета возобновила свои публикации.

⁷⁴⁹ Diaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.95.

⁷⁵⁰ Valencia Vega, A. Historia política de Bolivia. P.1817.

⁷⁵¹ La Calle. 26.04.1939.

⁷⁵² Antezana L. Busch. A las FF.AA. de Bolivia. La Paz, 1965. P.26.

В связи с годовщиной майской революции 17 мая «Ла Калье» так анализировала эволюцию «государственного социализма»: «Поражение социализма произошло по вине интеллигенции и руководства левых партий, которые не смогли создать эффективную структуру для консолидации движения»⁷⁵³. Пораженческие настроения социалистов вскоре исчезли, и они вновь стали сотрудничать с Х.Бушем. В «Ла Калье» был учрежден цензурный контроль. Любопытно, что цензором был назначен редактор умеренно-консервативной газеты «Ультима Ора» Х.Канедо Рейес⁷⁵⁴. Даже в этом Х.Буш остался верен себе: привлекать в правительство порою непримиримых противников.

Многие опасались профашистского курса диктатуры, но вскоре стала очевидной необоснованность этих страхов. Правительство более склонялось к левым реформаторам, нежели к профашистски настроенным военным и политикам. Для успокоения общественного мнения и правительств за рубежом посол Боливии в США заявил, что его страна отныне стала союзницей США против блока фашистских государств. Посол подчеркнул, что диктатура положила конец проникновению фашизма в Боливию и одновременно нанесла сокрушительный удар по коммунистам и анаρχистам.⁷⁵⁵ Чтобы покончить с широко распространившимися слухами о стремлении Боливии к союзу с державами оси, МИД сделал заявление, в котором подчеркнул, что в стране установлена не тоталитарная диктатура, а временный чрезвычайный режим, и что Боливия стоит на стороне демократий и американского континента в целом.⁷⁵⁶

В подтверждение этого декретом от 27 апреля Буш запретил «пропаганду иностранных политических доктрин, использование знаков, знамен, униформы, связанных с этими теориями»⁷⁵⁷. Борьба с «иностранщиной» в идеологии – идея, вынашиваемая националистами К.Монтенегро и А.Сеспедесом, была воплощена в декрете, содержание которого могло быть направлено и против коммунизма, и против фашизма. Собственное идеологическое обоснование диктатуры состояло в моральном очищении и «омоложении» нации. По словам Р. Савалета Меркадо, Х.Буш попытался воплотить в жизнь то, о чем писал Тамайо⁷⁵⁸. Речь шла о волонтарист-

⁷⁵³ La Calle.17.05.1939.

⁷⁵⁴ Céspedes, A. El dictador suicida. P.197.

⁷⁵⁵ РГАСПИ. Ф.495, оп. 122, д.1, л.41.

⁷⁵⁶ La Calle.18.05.1939

⁷⁵⁷ РГАСПИ. Ф.495, оп. 122, д.1, л.40.

⁷⁵⁸ Zavaleta Mercado, R. La formación de la conciencia nacional. P.61

ском противостоянии судьбе и историческом прорыве, о требовании личной жертвы во имя нации.

Главная идея диктатуры могла быть сформулирована следующим образом: «Новая Боливия» - это страна, свободная от индивидуального эгоизма и коррупции. Диктатура говорила о «моральной революции». В рамках идейно-морального очищения и обновления главная роль отводилась просвещению и воспитанию народа. Одной из первых акций диктатуры было принятие нового «Кодекса просвещения». В конституции 1938 г. была провозглашена перво-степенная обязанность государства обеспечить всеобщее начальное образование. В период президентства Буша средства бюджета, направляемые на образование, представляли вторую по величине после военного министерства статью расходов: почти столько же, сколько и все остальные министерства вместе взятые⁷⁵⁹.

Наряду с реформой образования были завершены работы по разработке трудового и социального законодательства, которому предназначалось быть одним из столпов классового мира⁷⁶⁰. 24 мая 1939 г. был опубликован «Трудовой кодекс», содержащий 122 статьи. Кодекс начал разрабатываться еще при Д.Торо его министром труда и лидером профсоюза печатников В.Альваресом, а затем дорабатывался созданной в феврале 1938 г. совместной комиссией профсоюзов и правительства во главе с Р.Хорданом и Р.Каприлесом, сохранивших основу, предложенную их левыми предшественниками.

Свод социальных законов получил название «Кодекс Буша», хотя с полным правом мог бы именоваться и кодексом Альвареса, его настоящим автором. Этот свод законов исходил из принципов всеобщей синдикализации. В законе провозглашалось право на объединение в профсоюзы, гарантировал «фуэро», то есть неприкосновенность профсоюзных лидеров, запрет на их увольнение или перевод на другие участки работы, что было большой политической победой трудящихся.⁷⁶¹ Кодекс декларировал, что целью профсоюзного движения является защита интересов трудящихся. Вводились коллективные договоры, ежегодный оплачиваемый

⁷⁵⁹ Эти данные, основанные на архивах министерства финансов, приводятся в работе М.Бринена – Brien M. Op.cit., P.85.

⁷⁶⁰ Ещё до провозглашения диктатуры Х.Буш своими декретами дополнил действовавшее социальное законодательство. Так в августе 1937 г. были внесены изменения в законы 1924 г. и установлена компенсация за потерю трудоспособности, болезни, смерти на производстве. – AA.1937. Т.3.3.132 – 133.

⁷⁶¹ Ponce Garcia, J., Stanley, T., Cisneros A. Op.cit., P.23.

отпуск, компенсация за увечья на производстве, льготное продовольственное обеспечение через специальные лавки за счет предприятия и т.п.

Правительственная активность в области социального законодательства была призвана компенсировать негативное отношение рабочих к результатам экономической политики военных-социалистов. Неуклонно снижалась реальная зарплата наемных рабочих, особенно в горнорудной промышленности, где заработки были традиционно выше, чем в городах. Доходы боливийских рабочих так и не достигли уровня кануна войны в Чако⁷⁶². Принятие этого кодекса было большим шагом вперед в решении «рабочего вопроса», хотя большинство положений кодекса остались на бумаге. Даже через 5 лет после его принятия, в 1943 г., официальные власти признавали, что социальное страхование, обязательное содержание больниц предпринимателями, пособия по безработице и т.д. остаются лишь проектом будущего.⁷⁶³

Кодекс запрещал систему «энганче», то есть вербовки, по которой посредники набирали в деревнях рабочих на кабальных условиях. Как правило, семья крестьянина получала авансом небольшую сумму, и часть зарплаты рабочего шла в оплату этого долга и невероятно высоких процентов. Долговое рабство затягивалось на долгие годы, пока рабочий не погибал от профессиональных болезней или не становился калекой. Посредники договаривались на самые невыгодные для своих «протеев» условия, за что получали высокие комиссионные. Такая варварская практика найма вызывала протест профсоюзов и левых партий. Статья 31 кодекса Буша официально запретила эту практику, установив исключительное право государства на посредничество при найме⁷⁶⁴. Впрочем, механизм контроля, исправляющий такое положение, создан не был.

Впервые за всё время правления Х.Буша его кабинет приступил к экономическим реформам. Ситуация с реформированием экономики, с чем связывался выход из затяжного кризиса, в новых политических обстоятельствах выглядела неоднозначно. С одной стороны, ближайшее окружение Х.Буша, его министр финансов С. Шульце строго стояли на страже интересов «баронов олова». Проолигархические деятели внушали Х.Бушу мысль, что единственная возможность выйти из экономического тупика – это полное доверие и поддержка Патиño и других «баронов». Они представ-

⁷⁶² Labour Problems in Bolivia. Report of the Joint Bolivian – United States Labour commission. Montreal, 1943. P.8.

⁷⁶³ Ibidem.

⁷⁶⁴ Ibid., P.39

ляли «баронов» как бескорыстных меценатов, приносящих в жертву отечеству свое достояние и умение управлять экономикой.

С другой стороны, Х.Буш ставил перед своими министрами задачу проведения таких реформ, которые позволили бы укрепить народное хозяйство страны, справиться с бюджетным кризисом, а затем перейти к индустриализации. Бюджетная дыра была столь велика, что Х.Буш издал 15 мая 1939 г. декрет об увеличении налогов на экспорт. Был установлен 25 % налог на валютную прибыль компаний. Увеличение налога сопровождалось отменой обязательной сдачи валюты, получаемой от экспорта, чего давно желали горнорудные компании⁷⁶⁵. Несмотря на отмену обязательной передачи валюты государству, величина налога была столь высока по сравнению с предыдущими годами, что декреты были восприняты в штыки экспортерами, а единый обменный курс угрожал всплеском инфляции.

К.Монтенегро, В.Пас Эстенсоро, Ф.Поу Монт и другие левые националисты убеждали президента в несправедливости и пагубности для страны промонополистического курса, к которому подталкивали его советники. Публичное признание самого Шульце, что декрет не только согласован по всем параметрам с монополиями, но и составлен в их интересах, вызвало ярость Х.Буша, и он отправил министра в отставку. Главным изменением в кабинете стало назначение на пост министра финансов реформиста Ф.Поу Монта. Х.Буш чисто по-военному сделал крутой поворот во всей политике, поручив Ф.Поу Монту разработать новый декрет о налоговой реформе⁷⁶⁶. 25 мая Х.Буш отменил предыдущие декреты, объяснив это подготовкой фундаментальных реформ в экономике⁷⁶⁷. В своем первом интервью прессе новый министр финансов подчеркнул: «Необходимо срочно провести налоговую реформу, возложив большее бремя на богатых... Правительство не должно ни при каких обстоятельствах сокращать расходы на жизненно важные цели: общественные работы, зарплату, национальную оборону и т.п.». Декреты, подготовленные Шульце, он охарактеризовал как наносящие вред государству⁷⁶⁸. Вслед за этим был восстановлен ранее действовавший режим сдачи валюты государству.

В ответ Ассоциация горнопромышленников предложила правительству создать специальный группу технических советников для выработки принципов государственной политики в отрасли.

⁷⁶⁵ La Calle.20.05.1939.

⁷⁶⁶ Céspedes, A. El dictador suicida. P. 201 – 203.

⁷⁶⁷ La Calle.26.05.1939.

⁷⁶⁸ La Calle.26.05.1938.

Х.Буш пошел на встречу этим предложениям и распорядился создать «Постоянный горнорудный комитет», в который должны были войти представители как монополий, так и мелких и средних шахтовладельцев. Впервые после 20-х годов все предприниматели отрасли как мелкие, так и крупные были готовы объединиться во имя общих целей. Динамика роста цен на олово на мировом рынке снимала многие противоречия между производителями и делала неактуальными их споры вокруг квот на экспорт, чем до того пользовалось правительство, сставляя конкурентов. Комитет потребовал от властей отмены системы дифференцированных курсов валют и снижения налогов в отрасли. Демарш горнопромышленников успеха не имел.

Требования горнопромышленников противоречили планам правительства. Х.Буш стремился к экономической независимости страны, начало которой могли положить индустриализация и диверсификация народного хозяйства с опорой на горнорудную промышленность. Первоначально он надеялся на добрую волю и патриотизм Патиño и Арамайо. Однако, националисты убедили его в обратном, подталкивая к установлению жесткого контроля государства над горнорудными монополиями.

Министр финансов Ф.Поу Монт подготовил несколько декретов, которые означали начало глубоких реформ в основной отрасли боливийской экономики. 7 июня 1939 г. Х.Буш подписал три исторических и роковых для него самого декрета. Главным был декрет о 100% сдаче государству валюты, вырученной от экспорта минералов. Декрет устанавливал централизованный и абсолютный контроль государства над валютными поступлениями, при этом сохранялся выгодный государству дифференцированный обменный курс национальной валюты. Статья 38 под нарушениями положений декрета понимала «всякое пассивное сопротивление: саботаж, локаут, сокращение объема производства, любые прямые и косвенные меры, направленные на изменение нормальной работы рудников»⁷⁶⁹. Нарушители декрета наказывались ни больше, ни меньше как смертной казнью. Суровые меры должны были гарантировать исполнение декрета, который угрожал лишить горнорудные компании части их прибыли.

Другим декретом было проведено огосударствление созданного при Д.Торо в 1936 г. Горнорудного банка, главной задачей которого объявлялось кредитование и стимулирование мелких и средних шахтовладельцев, что, по мысли авторов закона, должно было привести к демополизации отрасли. Председателем Горноруд-

⁷⁶⁹ La Calle.10.06.1939.

ного банка был назначен В.Пас Эстенсоро, ставший к этому времени одним из признанных лидеров националистов. Директором банка стал считавшийся марксистом, но давно уже присоединившийся к националистам или, как они сами себя называли, «революционным националистам», В.Гевара Арсе.

Комментируя свои новые решения, Х.Буш заявил прессе: «Я сделаю государство независимым от негативных сил... я оставлю страну с реальными богатствами, которые до сего дня она не могла контролировать». Ф.Поу Монт сформулировал более четко цели реформы: «Декреты направлены на укрепление национальной экономики за счет поступлений валюты, получаемой от экспорта. Нужно прекратить отток капитала из страны»⁷⁷⁰. Национал-реформисты видели в этом декрете главное орудие новой политики диверсификации и индустриализации страны, где главным действующим лицом было бы государство, получавшее значительный источник накоплений из экспортных отраслей.

Декрет вызвал панику среди магнатов и проолигархических кругов. Из Сантьяго-де-Чили в Ла-Пас срочно прилетел М.Хохильд. 9 июня 1939 г. многочисленная делегация горно-промышленников тщетно добивалась приема в президентском дворце. Однако дальше приемной их не пустили, Х.Буш отказался принять представителей монополий.

10 июня Х.Буш обратился по радио к нации. Он сказал: «Государство как регулятор национальной экономики должно координировать интересы промышленности, торговли, добывающих отраслей во имя высших интересов страны». Он убеждал, что декрет «гарантирует увеличение инвестиций под контролем государства, обеспечит укрепление национального капитала с целью обеспечить экономическую независимость республики». Он процитировал другой свой декрет: «Национализация Горнорудного банка сыграет роль источника развития и защиты интересов средних и мелких горнопромышленников».

Х.Буш объяснял введение новой экономической системы защитой благосостояния обездоленных классов. Обосновывая свои действия, Х.Буш сослался на 17 статью новой конституции, в которой речь шла о социальной справедливости как принципе построения экономической модели. Оправдываясь перед своими либеральными оппонентами за вмешательство в дела частного бизнеса, Х.Буш указал на успешные примеры государственного контроля над экономикой в Германии, Италии, СССР и Испании. Из латиноамериканских стран он назвал Аргентину, Бразилию и Чили, установив-

⁷⁷⁰ La Calle.10.06.1939.

ших государственный контроль над иностранным капиталом и экспортом. В качестве примера этатистской политики в экономике Х.Буш ссылаясь и на «новый курс» Рузвельта.

Для президента целью реформы было избежать утечки капитала и еще большего обнищания страны. Фактически Х.Буш повторил все аргументы левых в Учредительном собрании во время дискуссии о собственности. По его словам, принятие закона «не отменяет частную собственность, однако право собственности должно соизмеряться с общественным интересом»⁷⁷¹. Декреты были самым решительным проявлением экономического национализма.

Х.Буш призвал народ и армию поддержать его реформы: «Будет говорить, что моё правительство революционно. Да, граждане, я желаю революции, результатом которой будет то, что Боливия, наконец, воспользуется своими богатствами»⁷⁷². Действия Х.Буша поддерживали все левые и националистические силы. Недавно еще фрондировавшая «Ла Калье» вновь стала главным защитником правительства. Декрет вызвал подъем массового патриотизма и народного энтузиазма. 15 июня в Ла-Пасе прошла невиданная по своим масштабам демонстрация в поддержку президента. Манифестация проходила вечером, и когда Х.Буш вышел на балкон президентского дворца «Кемадо», чтобы обратиться к народу, на электростанции произошла авария и площадь погрузилась в темноту. Митинг продолжался при свете свечей, отчего слова Х.Буша воспринимались особо торжественно и романтично. Х.Буш провозгласил восстановление суверенитета страны над её богатствами. Он призвал всю нацию, капиталистов и трудящихся, к совместной работе в строительстве новой Боливии: «Пришел час самопожертвования, и мы все должны быть готовы к этому во имя родины»⁷⁷³.

Обстоятельства митинга возбудили сильные чувства и в самом Х.Буше. На состоявшемся после него банкете, как рассказывал А.Сеспедес, Х.Буш произнес потрясающую по своей глубине и искренности переживаний за постоянные поражения и унижения родной страны речь. В частности, он сказал: «Я стал президентом не для того, чтобы служить капиталистам. Это они должны быть на службе у своей страны, и если они не станут этого делать по своей воле, я смогу их заставить. Товарищи, клянусь Вам, что я, Херман Буш, покажу этим Патиньо, Арамайю, Хохшильдам, всем

⁷⁷¹ La Calle.11.06.1939

⁷⁷² Valencia Vega, A. Historia política de Bolivia.P.1785.

⁷⁷³ La Calle.16.06.1939.

эксплуататорам Боливии, что здесь есть президент, который заставит уважать свою страну и народ»⁷⁷⁴. Этими словами Х.Буш будил самые радужные надежды на продолжение реформ и антиолигархической политики, о которой лишь говорили последние три года.

Антиолигархический настрой Х.Буша проявился в его дальнейших действиях. Он реорганизовал свой кабинет, усилив в нем радикальное националистическое крыло. Вместо умеренного А.Острия Гутьерреса на пост министра иностранных дел был назначен К.Салинас Арамайо. В условиях формирования блоков государств накануне мировой войны решение вопросов внешнеполитической ориентации страны в определенной степени влияло на выбор направления внутреннего развития. Назначение К.Салинас Арамайо предполагало усиление националистических и антиимпериалистических тенденций при отходе от профашистской линии поведения правительства Боливии.

Кроме К.Салинаса в кабинет вошли другие близкие Х.Бушу левые молодые политики. Министерство сельского хозяйства возглавил радикальный националист, тесно связанный с ЛЕК Х.Меркадо Росалес. Впервые было создано министерство пропаганды и туризма. Его возглавил директор националистической газеты «Ла Ноче» М.Флорес, который уже пережил и близость к президенту, и опалу после «марофистского» псевдо-путча в ноябре 1938 г. Новое министерство было призвано осуществлять цензуру оппозиционной прессы и проводить информационную политику поддержки антиолигархических мероприятий диктатуры. Для усиления полицейского надзора и контроля над действиями оппозиции в столице был назначен новый префект, преданный Х.Бушу человек, Х.Саенс Гарсия.

Реагируя на нововведения, 14 июня 1939 г. горнопромышленники направили Х.Бушу записку с замечаниями к изданным декретам и постановлениям. Промышленники подчеркивали, что не выступают против правительства, а лишь требуют согласований с ними всей экономической политики. Х.Буш был рад этому обращению, ибо искал согласия в обществе, в том числе и с монополиями. Однако страсти были слишком накалены, а декрет о 100% сдаче валюты был для него своего рода символом веры и знаком его собственной судьбы. 20 июня 1939 г. Х.Буш ответил: не будет никаких отступлений от декрета во всем его объеме и деталях. Подчеркивая свою бескомпромиссность, он приказал опубликовать в газетах свой ответ на обращение горнопромышленников.⁷⁷⁵

⁷⁷⁴ Céspedes, A. El dictador suicida. P. 204.

⁷⁷⁵ La Calle.30.06.1939.

Решительное настроение президента длилось недолго, и он вернулся к любимому им методу примирения враждебных сторон. Уволенный министр финансов Ф.Гутьеррес Граньер⁷⁷⁶ был переведен управляющим Горнорудного банка, в то время как официальные руководители банка, председатель В.Пас Эстенсоро и директор В.Гевара Арсе остались без реальных полномочий. Вскоре Х.Буш вернул к руководству банка своего бывшего министра финансов А.Паласиоса, которого поставил начальствовать над директорами Горнорудного банка, обесценив все предыдущие назначения⁷⁷⁷.

Х.Буш все еще надеялся привлечь монополии к патриотическому делу подъема страны. Не имея собственных идей о будущей экономической системе, и считая, что решать проблемы роста и развития народного хозяйства должны «капитаны производства», легендарные боливийцы, ставшие всемирно известными магнатами Патиньо и Арамайо, Х.Буш обратился к ним напрямую с вероятно наивным и романтическим призывом посвятить себя «возрождению Боливии». 27 июня он послал большое письмо Патиньо, в котором, взывая к патриотическим чувствам самого известного боливийца, приглашал его к активному участию в подъеме экономики, её диверсификации и индустриализации. Это послание Г.Госалвес передал в Париже Патиньо.

Х.Буш верил в патриотизм Патиньо. На него произвели очень благоприятное впечатление запомнившиеся ему надолго слова Патиньо во время кризиса на переговорах о мире с Парагваем в 1938 г., когда вновь замаячила опасность возобновления военных действий. Тогда в интервью Ассошиейтед Пресс Патиньо громко и ясно, на весь мир заявил, что в случае возобновления войны передаст все свои финансовые и экономические ресурсы в распоряжение правительства и будет до последнего сотрудничать с режимом Х.Буша⁷⁷⁸. Такие слова впечатляли Х.Буша, создавали у него иллюзии относительно подлинных чувств и патриотизма магната.

В своем письме Х.Буш просил Патиньо стать опорой подъема страны, находящейся на дне глубокой пропасти. Он писал: «Внут-

⁷⁷⁶ В этот период Ф.Гутьеррес Граньер входил в близкий «баронам олова» круг политиков, и стойко защищал их интересы. Опыт работы в правительстве Х.Буша, последующая история страны привели его в лагерь антиолигархической, националистической революции. - Almaraz, S. *El poder y la caída: El estaño en la historia de Bolivia*. La Paz, 1980. P.85.

⁷⁷⁷ Klein, H S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // *HAHR*, 1965. vol.47, No.2. P.181.

⁷⁷⁸ *El Diario*. 01.07.1938.

ренный развал страны стал очевидным фактом. Демагогия и борьба партий, безграничные и неудержимые, разрушили все моральные устои общества... Патриотизм стал пустым словом, а личные амбиции – законом». Далее Х.Буш призывал: «Прошу Вашего сотрудничества в осуществлении исторических задач, стоящих передо мной. У Вас есть средства, а нам нужны школы для поднятия культурного уровня в большинстве своем неграмотного народа, нам нужны железные дороги, которые связали бы внутренние районы страны, нам нужны больницы, детские дома..., нам нужна промышленность, которая даст импульс развитию всей экономики»⁷⁷⁹. Х.Буш приглашал Патиньо встать рядом с ним в осуществлении амбициозных планов строительства новой процветающей Боливии.

В своем ответном письме Патиньо жаловался на тяжелое финансовое положение и отсутствие средств. После ответа магната у Буша не осталось никаких иллюзий в отношении «баронов». Отказ Патиньо, которого Х.Буш считал своим союзником и всегда ориентировался на политиков его круга, ибо для него тот был великим боливийцем, произвел на него шокирующий эффект. Х.Буш был разочарован, раздосадован и подавлен. Нарастанию психологического кризиса у диктатора способствовало дело другого «барона олова» Хохшильда.

В ответ на декрет и несмотря на грозные предостережения властей Хохшильд объявил локаут на своих рудниках. Его фирма давно вызывала град нападков со стороны националистических организаций. Хохшильд стал олицетворением всевозможных «зол» и прегрешений. Здесь было и еврейское происхождение, и его посредническо-торговая специализация, дававшая ему «славу» грабителя мелких и средних производителей, и постоянные разоблачения в подкупе чиновников и использовании государственных средств во благо фирмы. Ещё в 1937 г. ЛЕК призывал Х.Буша разорвать все контракты и аннулировать концессии Хохшильда, ибо его деятельность приносила вред государству⁷⁸⁰. Лучшей мишени для националистов нельзя было придумать.

После опубликования декрета Хохшильд провел опрос среди мелких и средних шахтовладельцев, главным пунктом которого было: кому вы отдаете предпочтение при продаже вашей продукции, фирме Хохшильда или Горнорудному банку. Опрос был бо-

⁷⁷⁹ Sandoval Rodriguez I. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P. 169 – 170.

⁷⁸⁰ Письмо ЛЕК – Х.Бушу от 23 сентября 1937 г. – ANB.PG.1937. C.13. T.157. (PG7601).

лезненным ударом по правительству, которое представляло себя защитником именно мелких и средних предпринимателей. Ответ, как и следовало ожидать, был не в пользу государства. Опираясь на эти данные, Хохшильд в полемическом запале направил Х.Бушу резкое письмо. В нем он подчеркивал: «Мелкие горнопромышленники были очень довольны действиями посредников при контроле со стороны Горнорудного банка. Ваш декрет разрушает не только доверие горнорудного сектора, но и всеобщее доверие к правительству страны». Далее более: «Вы явно не знаете реального положения рабочих, занятых в отрасли. Наше предприятие постоянно повышает уровень жизни своих рабочих, улучшая их питание и жилище. Большинство этих рабочих - индейцы. Сравните их хижины в деревнях и наши поселки. Сравните их скудную пищу, состоящую из кукурузы и коки, с мясом и овощами, получаемыми ими на руднике»⁷⁸¹. Письмо вызвало ярость диктатора. Вслед за этим обнаружился подлог в документах, представляемых Хохшильдом налоговым органам. Налицо было нарушение декрета, каравшееся смертной казнью.

3 июля Х.Буш вызвал магната и после бурной беседы приказал арестовать его и нескольких других горнопромышленников, обвиненных в нарушении декрета.⁷⁸² 5 июля 1939 г. президент созвал кабинет министров для обсуждения дела Хохшильда. В присутствии обвиняемых Х.Буш сразу же поставил единственный вопрос: «Господа! Мое главное желание – это освобождение страны от социальной, политической и экономической прострации. Я хочу, чтобы Боливия почувствовала себя свободной и суверенной страной. Я требую смертной казни для Маурисио Хохшильда, главного автора пассивного сопротивления декрету. Никаких мягких мер. Я издаю декреты для их исполнения»⁷⁸³. Присутствовали все министры, и все, в том числе и приятель Хохшильда Д.Фионини, утвердили приговор всем обвиняемым. Казнь была назначена на следующее утро.

Утвердив приговор, министры принялись уговаривать Х.Буша помиловать осужденных. Их главным защитником был Э.Бальдивесо, понимавший абсурдность действий президента и кошмар смертного приговора⁷⁸⁴. Другие министры, в том числе и обычно радикально действующий К.Салинас, также стали доказы-

⁷⁸¹ Crespo A. Los Aramayo de Chichas. Tres generaciones de mineros bolivianos. Barcelona, 1981. P.325.

⁷⁸² Brien M. Op.cit., P.91.

⁷⁸³ Diaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.105.

⁷⁸⁴ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.31.

вать президенту бесполезность и невыгодность этого варварского акта. Стали звонить в посольства, призывая иностранные представительства вступить за Хохшильда. Пугали возможными обвинениями в антисемитизме и нацизме, осложнениями с Аргентиной, гражданином которой был Хохшильд. Дело дошло до предложения выкупа жизни магната за 25 млн боливиано⁷⁸⁵. За Хохшильда вступились и военные, генералы Ф.М.Ривера и В.А.Мендес. Под общим давлением Х.Буш отменил свой приказ о расстреле.

Драматические коллизии этого дня закончились трагикомично. Было решено обнародовать приказ о смертной казни Хохшильда, а через день декрет о помиловании. Хохшильд вышел на свободу, его пригласили на беседу к Бушу, который в присутствии Э.Бальдивьесо отчитал магната «за неверное поведение»⁷⁸⁶... Вот и все.

Неудача в переговорах с Патиño и провал «кавалерийской атаки» на монополии привели к глубокому душевному кризису президента. Буш стал мало интересоваться политическими событиями. Последней его значимой акцией было принятие 3 августа 1939 г. подготовленного министрами-реформаторами декрета о национализации Центрального банка, который до этого момента был смешанным банком двойного назначения: коммерческим и эмиссионным. Решения по действиям банка принимали акционеры. После декрета Х.Буша государство стало единственным собственником, обязуясь вернуть стоимость акций их держателям в золоте или валюте.⁷⁸⁷ Государство получало эффективный инструмент контроля над банковской системой. Реформа Центрального банка была составной частью предпринимаемых реформаторами усилий по созданию независимой экономической системы в стране.

В августе стало очевидным кризисное состояние диктатуры. Реформы не давали результатов, цели и средства были неопределенны, а сам Х.Буш оказался в политической изоляции. Президент оставался инертным, был разочарован и переживал глубочайший душевный кризис. Он впал в депрессию, отошел от повседневного управления страной, потерял всякий интерес к событиям. М.Алькасар так описывал эти дни президента Буша: «22 августа. Уже неделю президент не входит в свой кабинет, мучается зубной болью и пьет»⁷⁸⁸. Он проводил все время дома, в кругу семьи. Жил он очень скромно, в своем доме в районе Мирафлорес, где рядом с

⁷⁸⁵ Céspedes, A. El dictador suicida. P. 206.

⁷⁸⁶ Ibidem.

⁷⁸⁷ Iñiguez, E. Op.cit., P.95

⁷⁸⁸ Díaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.108-109.

ним обитали его родственники, служившие при нем адъютантами. Трагические события ночи 23 августа произошли среди близких, не считая солдата караула, приставленного к дому. В ту ночь при весьма темных обстоятельствах президент Х.Буш покончил счеты с жизнью⁷⁸⁹.

История его самоубийства запутана. Многие обвиняли олигархию в устранении Буша, и в частности, в причастности к этому генерала К.Кинтанильи. Для таких подозрений были свои основания. В глаза бросались подозрительные факты, как оперативность, с какой К.Кинтанилья уже в 6 утра провел заседание кабинета министров, на котором объявил о своем решении занять президентский пост. Вице-президент Э.Бальдивьесо был отстранен от власти. Последнего поддерживали лишь пронацистская группа «Железная звезда» и левая студенческая федерация⁷⁹⁰. Безуспешно левые попытались воссоздать союз социалистов и военных образца 1936 г. с опорой на генерала Э.Пеньяранду. Реальная власть была у К.Кинтанильи. Э.Бальдивьесо был вынужден смириться с потерей власти, так как за К.Кинтанильей стояла армия. Левые выразили свою поддержку генералам Бильбао Риохе и Э.Пеньяранде, героям Чакской войны и реальным претендентам на продолжение дела Торо-Буша. Кинтанилья удалось разрушить этот опасный для него союз, выслав из страны генерала Бильбао Риохе в октябре 1939 г.

⁷⁸⁹ В тот вечер находясь дома, Х.Буш прочитал записки министров, в которых, в частности, его пугали экономической катастрофой ввиду приближавшейся войны в Европе, из-за чего Англия могла бы перестать покупать боливийское олово вследствие нарушения коммуникаций, а США могли бы конфисковать боливийский золотой запас, находившийся там на хранении. Настроение Х.Буша было очень мрачным. Его родственник полковник Кармона стал рассказывать президенту о неверности военных и о подготовке переворота. Х.Буш, взвинченный услышанными откровениями, выхватил револьвер и со словами: «Раз никому нельзя доверять и ни в кого нельзя верить, лучше...» - выстрелил в себя первый раз, но промахнулся. Адъютанты успели схватить его за руки, и выстрел пришелся в окно. Именно из этого обстоятельства, того факта, что в доме слышались беспорядочные выстрелы, многие сделали вывод о нападении и убийстве Х.Буша заговорщиками. Затем Х.Буш успокоился и сел в кресло, но через мгновение выхватил пистолет и выстрелил себе в голову. Он не погиб сразу, а был смертельно ранен. Это произошло между 4 и 5 часами ночи. С наступлением дня он скончался - Céspedes, A. El dictador suicida. P. 207., ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.36.

⁷⁹⁰ Левые и националисты выдвинули формулу передачи власти Э.Бальдивьесо и ген. Э.Пеньяранде, считавшемуся соратником и единомышленником Х.Буша. – FUB. Agosto 1939. – ALP.Miscelania.LML. C. 11, legajo.1.

Именно Кинтанилья меньше всего мог претендовать на звание наследника «дела Буша» или даже его сподвижника. За несколько дней до этих трагических событий Буш собирался выслать его из страны и очень тяготился сознанием того, что во главе армии стоит его противник.⁷⁹¹ Левые офицеры и националисты сразу же выдвинули версию убийства Х.Буша агентами олигархии. Обвинение осталось недоказанным и со временем превратилось в часть националистических мифов. Трудно определить, было ли это самоубийством или удачным дворцовым переворотом. Нельзя не согласиться со словами боливийского историка Р.Савалета Меркадо: «Если он покончил с собой, то произошло это лишь потому, что в действительности его диктатура не могла пойти дальше того, что уже достигла; если его убили, то потому, что его враги все еще обладали достаточной силой, чтобы убрать его и режим»⁷⁹². Выход из тупика диктатуры, в котором оказался военно-социалистический режим, был слишком трагичным для главного действующего лица, для Буша, и для всей страны, где, казалось, все возвращалось к безраздельному правлению «роски».

Пришедшие к власти Кинтанилья и традиционные партии отстранили от управления страной всех левых и националистических деятелей. Были обещаны всеобщие выборы по конституции 1938 г. и возвращение к «нормальному» правлению на основе традиционных партий. В первый же день после смерти Х.Буша новый глава страны принял А.Аргедаса, Э.Эрсога, Э.Монтеса, представлявших традиционные партии, и заверил их в скором возвращении к «нормальной жизни»⁷⁹³. Декреты 7 июня 1939 г. были отменены. Это был конец режима «государственного социализма», а также прекращение всех реформ националистического толка.

Похороны Буша вылились в массовую демонстрацию искреннего народного горя и отчаяния. Буш стал подлинным национальным героем, образ которого сразу же был монополизирован националистами и левыми партиями и движениями. Невнятные выражения сочувствия со стороны олигархических политиков в сочетании с их искренней радостью в связи с концом реформ и «социалистических» экспериментов усиливали подозрения в участии правых сил в устранении Буша.

«Буш, - писал Р. Савалета Меркадо, - без сомнения, самая яркая и сильная по своей исторической мощи фигура в истории Боливии этого века. Он герой армии, которая чувствовала себя побежден-

⁷⁹¹ Hemisphere. New York, 09.02.1940, P.3 —4.

⁷⁹² America Latina: historia de medio siglo. Vol.1. México, 1982.P.87.

⁷⁹³ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.39.

ной... Для Боливии Буш – это чистый герой, даже его ошибки и путаница в идеях – это недостатки самой нации. Буш был тем, чем тогда была Боливия, он выбрал максимальное слияние с родиной и предпочел смерть»⁷⁹⁴.

Для левых Х.Буш стал мучеником «национальной идеи». Даже крайние левые, в том числе марксисты, к которым Буш не питал никаких симпатий, возвели его в ранг идола. Политики противоположных направлений сходились в оценке личности Х.Буша и его режима. Его недруг и оппонент А.Аргедас писал: «Он был патриотом, но по-своему; его патриотизм был инфантильным, наивным и показным. Его приводили в волнение вид национального флага, звуки военного марша, парад войск. Он верил, что единственно патриотическое дело – это защита родины в окопах, на полях сражений, и считал всех, кто не был солдатом, плохими патриотами»⁷⁹⁵. А Т.Мароф писал в «Ла Калье» сразу после его смерти: «Буш, честный военный, представляет собой необратимый переходный момент в истории среднего класса, переход от сентиментального национализма, развивающегося в направлении к более зрелому социализму с четкой теорией и точным пониманием наших проблем»⁷⁹⁶.

Смерть диктатора привела к концу режима, который в течение трех лет своего существования так и не смог создать органической и прочной структуры социально-политической поддержки реформ. Ни Д.Торо, ни Х.Буш не создали солидную социальную базу, на которую могли бы опереться в проведении реформ, что обусловило слабость и колебания режима. Армия, отдельные левые и националистические группы и партии, профсоюзы с разной степенью вовлеченности в политику и участия во власти поддерживали правительство. Все попытки построить официальную партию дали столь незначительные результаты, что не могли повлиять на развитие событий. Политическая смерть режима после ухода из жизни Буша была логичной и естественной. Отсутствие четкой программы преобразований, которая могла бы претендовать на поддержку общества, объединив его вокруг национально значимых целей, постоянное, порой неудачное экспериментирование с неизбежными откатами и корректировками курса, непоследовательность в выполнении принятых решений ослабляли режим, и, в конце концов, привели к краху.

⁷⁹⁴ Zavaleta Mercado, R. La formación de la conciencia nacional. P.60 – 61.

⁷⁹⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.36.

⁷⁹⁶ Knudson J. Op.cit., P.64.

Заключение

Подведем некоторые итоги нашего исследования одного из самых ярких этапов истории Боливии в XX веке. 30-е годы нашего столетия были, пожалуй, самым бурным периодом в боливийской истории. Великая депрессия, война в Чако, установление режима «государственного социализма» с его неординарной политической и социальной практикой делают это десятилетие исключительно важным для понимания глубинных процессов и хода событий всего столетия.

Изменения в народном хозяйстве Боливии в 20-30-е годы привели к появлению новых общественных классов: средних слоев, связанных с развитием городского хозяйства, инфраструктуры и современных отраслей экономики, а также относительно многочисленного рабочего класса. Новые социальные группы были той частью общества, где формировался протест против старой либеральной, «аристократической» демократии, ограничивавшей участие среднего класса в политической жизни. Олигархический тип государства перестал удовлетворять не только народные массы, но и часть «привилегированных», справедливо усматривавших в кастовой ограниченности политической системы главное препятствие как экономического прогресса, так и укрепления национального государства, все более попадавшего в зависимость от иностранного капитала и олигархии.

В 20-е годы мы наблюдаем первые реформы в экономике и политической жизни. Социальное законодательство президента Б.Сааведра, а затем реформистские попытки Э.Силеса были последним всплеском либерального реформирования. До экономического кризиса 30-х годов общество ещё не прониклось осознанием необходимости кардинальных перемен в хозяйственной системе.

Уже в 20-е годы появились первые признаки морально-политического кризиса либерального государства. Идейные поиски интеллигенции, изменения в социальной структуре общества привели к идеологическому кризису, к разрушению гегемонии господствующего класса. Идейная борьба вызвала кризис ментальности, усиливший идейные поиски интеллигенции. Был радикально переосмыслен взгляд на проблему вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Подвергались сомнению осново-

полагающие принципы государственного устройства, что привело к коррозии политического истеблишмента.

Лейтмотивом идейной революции были поиски национальной самобытности, антилиберальная, антирационалистическая критика позитивистского исторического оптимизма, европоцентризма, демократии как таковой. Индеанизм, национализм, различные оттенки и направления антилиберального «социализма» полностью вытеснили из идеологической и политической сферы либерализм. Идейная революция выразила вполне осознанное желание патристически настроенной интеллектуальной и политической элиты преодолеть «позитивный» рационализм, здравый смысл либерализма, проповедовавший «объективные законы» развития, которые обрекали страну на порочный круг отсталости и зависимости от мировой капиталистической метрополии. Лишь иррационализм, волюнтаристский скачек открывали перед ними иллюзорную (а может быть, и нет) перспективу социально-экономического и политического освобождения страны. Идеологические процессы подготовили почву для новой социальной и политической практики, ориентировавшейся на националистические ценности, волюнтаристское и иррационалистическое мировоззрение. Идейная революция была предверием «государственного социализма», реформистских режимов 40-х годов и даже Национальной революции 1952 г.

Экономический кризис 30-х годов подвел итог развитию всего предшествующего исторического периода. С конца XIX века в Боливии сложилась система, основанная на либеральных принципах свободного рынка, на невмешательстве государства в хозяйственную жизнь частных лиц. Катастрофа мирового кризиса, разрушившего большинство торгово-хозяйственных связей между странами, крах всей системы международных финансовых взаимоотношений завершили эпоху либерального капитализма. Экономические катаклизмы сопровождались структурным и политическим кризисом.

Война в Чако стала рубежом, с которого берет свое начало новая эпоха в истории Боливии. Война пробудила национальные чувства в широких социальных слоях. Поражение Боливии показало ущербность её экономической и политической системы. Из войны вышло «поколение Чако», решительно занявшееся переустройством собственной страны.

Либеральное государство в период кризиса и войны в Чако продемонстрировало свою полную неспособность к целенаправленному социальному действию, что подтверждало обреченность старой системы, неготовой к самореформированию. «Идейная ре-

волюция», а затем война в Чако привели к морально-политическому кризису олигархического государства. Возникали новые антиолигархические, националистические и социалистические партии и движения, отрицавшие сами принципы классической демократии.

Интенсивная урбанизация, рост нового среднего класса и увеличение его влияния в обществе изменили соотношение политических сил, выдвинув на ведущие позиции партии и движения, представлявшие интересы этих социальных групп. Главным требованием гражданского общества, формировавшегося в этот период, было строительство подлинной демократии, где старые формальные либеральные принципы индивидуальной свободы будут дополнены социальной справедливостью. Поражение в войне в Чако, кризис гражданского общества старого либерального типа разрушили основы олигархического государства, построенного на консенсусе традиционных средних слоев и руководящей элиты, горнорудно-помещичьей олигархии. Ответом на этот кризис был приход к власти военных и их союзников социалистов в мае 1936 г., установивших режим «государственного социализма». Военные окончательно похоронили старое государство, поставив финальную точку в либеральной эпохе истории Боливии.

«Революция» военных-социалистов в мае 1936 г. означала стремление изменить систему в целом, ибо либеральная демократия старого, аристократического, кастового типа стала дисфункциональной, не позволяла широким народным массам пользоваться достижениями прогресса, образования, общественной жизни, отстраняла от политического участия в управлении страной большую часть ее населения, в том числе и средние слои. Подготовленные «идейной революцией» основы реформ ориентировались на создание нового типа государства и общества. Идеи социальной справедливости, превосходство интересов нации над свободами и правами личности глубоко проникали в сознание интеллигенции и нового поколения политических деятелей. Успехи коммунизма в СССР, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии на фоне находящегося в глубочайшем экономическом кризисе остаточного демократического мира, делали крайне привлекательными идеи антилиберального, антидемократического государства. Военные и их союзники декларировали построение принципиально нового социально-политического строя - «государственного социализма». Социализм воспринимался ими и в виде советской плановой экономики, и в образе нацистского тоталитарного государства. Корпоративистские проекты Д.Торо, его радикализм в реформировании политической структуры государства впоследст-

вии сменились более умеренной программой преобразований Х.Буша.

Режим «государственного социализма» проводил политику реформ, главные параметры которых соответствовали основным постулатам национал-реформизма, нашедшего затем своё полное воплощение в программе партии Националистическое революционное движение (МНР) и в Национальной революции 1952 – 1953 гг. Все преобразования проводились военными при активном и все ещё очень сильном сопротивлении традиционных политических сил, олигархии.

Военные-социалисты были первопроходцами, они не имели ни определенной и четкой программы, ни доктрины действия. Их реформы в сущности и формировали будущую доктрину национал-реформизма. Одной из характеристик режима, возникшего в результате «революции» мая 1936 г., была некоторая его преждевременность и опережение в отношении настроений общества, осознания им необходимости и степени радикальности реформ. Реально общество ещё не было готово ни к аграрной реформе, ни к национализации горнорудных монополий, ни к полной смене политической системы. Чакская война была катализатором, ускорившем общий кризис и приведшим к власти реформаторов, которые сами не были готовы ни концептуально, ни политически к проведению назревших преобразований. Осуществляя «революцию сверху», военные-социалисты не находили необходимую им органическую социальную базу. Без четкой программы, не опираясь на серьезное, структурированное политическое движение, военные-социалисты экспериментировали, не имея четких представлений ни о содержании, ни о формах, ни о темпах предстоящих реформ, что предопределило их ограниченность и, конечном счете, коррозию и падение режима.

Экономическая политика «государственного социализма» ознаменовала полный разрыв с либеральной традицией невмешательства государства в дела хозяйствования. Общей характеристикой этой политики были этатизм, жесткое государственное регулирование и экономический национализм. Среди непреходящих достижений военных следует отметить экспроприацию американской нефтяной компании «Стандард Ойл» и образование государственного предприятия ЯПФБ, национализацию Центрального банка и меры по усилению контроля государства в горнорудной отрасли, вплоть до исторического декрета 7 июля 1939 г. о 100% сдаче валюты экспортерами. Все перечисленные мероприятия преследовали четко осознаваемую цель – достижение экономической независимости страны. Однако отсутствовали последовательность

и взаимосвязь предпринимаемых мер, что в значительной степени ослабило, а порой и выхолостило их эффективность. Военные-социалисты и вдохновлявшие их националисты предпринимали все эти акции для создания под контролем государства мощных источников накопления во имя диверсификации моноэкспортной экономики и начала индустриализации, что в итоге должно было создать предпосылки развития национального капитализма.

Военные-социалисты дали мощный импульс движению просвещения индейцев. Работа индеанистов-просветителей, начавшаяся с создания школ-айлью в Варисате, Вакас и Клисе, подготовила почву для сближения реформистского движения города с социальным протестом индейских масс, для будущего союза национал-реформизма и крестьянского движения. Впервые после многих лет аграрный вопрос стал одним из центральных пунктов, стоящих в повестке дня преобразований в обществе.

Среди социально-экономических инициатив военных-социалистов в деле преобразования страны были аграрные эксперименты в Кочабамбе, законодательный запрет одиозных форм зависимости и эксплуатации крестьянства. В обществе развернулась широкая дискуссия о путях реформирования сельского хозяйства. Было бы незаслуженным упрекать военных-социалистов в нерешительности в аграрном вопросе, ибо сами общественные силы, партии и движения, ещё не выработали четкой стратегии преобразований сельского хозяйства. В обществе шла дискуссия о путях проведения реформ, обсуждались самые разнообразные предложения - от парцелляции земли до её обобществления на основе общины.

Главная причина непоследовательности реформаторов в аграрном вопросе состояла в зависимости боливийского истеблишмента от традиционных средних слоев, влияние которых хотя и неуклонно снижалось, но оставалось ещё значительным. Традиционные средние слои в основной своей массе были напрямую связаны с латифундистской системой. Грянувшие в 40-е годы крестьянские восстания и мощное движение за аграрный передел заставили общество вплотную задуматься над неизбежностью всеобъемлющей реформы в деревне.

Содержание политической реформы военных-социалистов состояло в создании в Боливии сильного консолидированного государства, в котором интересы личности и отдельных классов и групп будут подчинены задачам общенационального строительства. Д.Торо предлагал формирование корпоративистской системы при полной ликвидации старых политических партий, как и всех либерально-демократических форм общественной жизни. Речь

шла об огосударствлении профсоюзов, партий, общественных движений, прессы и т.д., о всеобщей синдикализации, о проведении в жизнь принципов «функциональной демократии», являвшейся ничем иным, как формой тоталитарного государства. Х.Буш смягчил эту программу, но взамен предложил авторитарный вариант антидемократического правления, логически завершившегося установлением диктатуры. Ни Д.Торо, ни Х.Буш не могли создать органической политической системы, способной заменить либеральную демократию, что и стало причиной столь быстрого и болезненного падения «государственного социализма». При всех различиях в видении реформ у Д.Торо и Х.Буша общим было стремление к огосударствлению социальной жизни, её бюрократизации, к тотальному подчинению государству всех сторон жизни нации, сведению к минимуму гражданского общества. Непоследовательность Х.Буша в реформе государственного строительства привела к компромиссу с либерально-демократическими силами. Результатом этого компромисса было принятие конституции 1938 г.

В политическом реформировании государства важное место занимал рабочий или, как его называли, социальный вопрос. Запас прочности социального законодательства, принятого в 20-е годы в период президентства Б.Сааведры, уже был исчерпан. Д.Торо стремился подчинить профсоюзы государству, превратить рабочие организации в часть государственной машины. Та же судьба была уготована и политическим партиям. И Д.Торо, и Х. Буш пытались создать единственную проправительственную партию, которая могла бы стать опорой режима, а также орудием осуществления идеологической и политической гегемонии в обществе. Ликвидация свободного профсоюзного движения, создание однопартийной системы вели к разрастанию государственной машины и сокращению поля действия гражданского общества. Непоследовательность в проведении политики огосударствления партий и профсоюзов привела к провалу тоталитарных планов. Политические реформы вызвали поиск новых форм политической организации; возникали партии и движения, составившие основу гражданского общества в Боливии в течение нескольких последующих десятилетий.

«Государственный социализм», а за ним и национал-реформизм, стремился создать новую общественно-политическую систему. Важное место в будущей социальной системе должен был играть рабочий класс. Наибольшее беспокойство правящих кругов Боливии вызывала проблема интеграции рабочего класса в реформированное общество и государство. И военные-социалисты, и национал-реформисты предлагали модель интеграции не через

включение рабочих организаций в гражданское общество, а через огосударствление профсоюзов, при котором профбюрократия становилась частью правящего блока и госаппарата. Если военные-социалисты пытались скопировать корпоративистские методы фашистских государств, то национал-реформисты довели до логического конца огосударствление правящей партии и профсоюзов. «Государственный социализм» заложил основы для формирования в Боливии принципиально отличной от либерально-демократической модели государства и гражданского общества. Эта этатистская и порой похожая на тоталитарную система опиралась на новые методы социальной мобилизации и управления экономикой, определяла государству совершенно иную роль, нежели оно играло в период господства либерально-демократических принципов. Это новое государство приходило на смену умирающей, находящейся в глубочайшем кризисе латиноамериканской кастовой либеральной демократии. Вместе с тем, наряду с объективной сменой стадий исторической эволюции боливийского общества новая модель позволяла завершить процесс национально-государственной консолидации в Боливии, что являлось предпосылкой для формирования механизмов постоянной модернизации, без чего невозможно представить реальное осуществление суверенитета нации, эффективное развитие и защиту национальной культуры.

Говоря об историческом месте режима «государственного социализма», следует подчеркнуть следующее. Прежде всего, «государственный социализм» ознаменовал конец либеральной эпохи развития Боливии, то есть зафиксировал кризисное завершение целого этапа экономического и социально-политического развития страны. Режим военных-социалистов был промежуточной стадией в развитии социально-политических процессов, которые привели в конечном итоге к революции 1953 – 1953 гг. «Государственный социализм», при всех экстравагантных сторонах его политическо-го и идеологического облика, был поиском компромисса между усиливавшейся национальной буржуазией и новыми средними слоями, с одной стороны, и традиционной элитой, «роской», союзницей олигархии, с другой. Этот компромисс, заключавшийся в перераспределении власти в пользу новых общественных сил, предполагал ненасильственную эволюцию боливийского общества через экономические и политические реформы. Их провал в силу жесткого сопротивления олигархии и организационной слабости, психологической неготовности и идейной разобщенности реформистских сил, еще не сформировавших нового органического блока, который включал бы в себя союз с рабочим движением и с ин-

дейским крестьянством, знаменовал наступление эпохи конфронтации и накопления революционных факторов в жизни общества в условиях внутреннего раскола и конфликта.

Resumen

Los años 30 del siglo XX quizás fueron el periodo más violento de la historia boliviana. La gran depresión, la guerra del Chaco, el advenimiento de régimen del “socialismo de estado” con su práctica política y social poco ordinaria hacen este decenio excepcionalmente importante para entender los procesos y acontecimientos de fondo de todo el siglo.

Los cambios en la economía boliviana en los años 20-30 hicieron surgir nuevas clases sociales: las capas medias ligadas al desarrollo urbano, infraestructura y sectores modernos de economía, así como la clase obrera relativamente numerosa. Estos nuevos grupos sociales fueron una parte de sociedad que formuló protesta contra la vieja democracia liberal y “aristocrática” que limitaba participación de la clase media en la vida política. El tipo oligárquico de Estado dejó de contentar no solo a las masas populares, sino también a una parte de “privilegiados” que justo veían la limitación de casta del sistema político como un obstáculo principal tanto del progreso económico, como del fortalecimiento del Estado nacional que cada vez más caía en dependencia del capital extranjero y la oligarquía.

En los años 20 observamos las primeras reformas en la economía y vida política. La legislación social del presidente B.Saavedra y luego los intentos reformistas de H.Siles fueron el último embate de reformación liberal. Antes de la crisis económica de los años 30 la sociedad aun no tomó conciencia de necesidad de los cambios esenciales del sistema económico. Sin embargo ya en los años 20 aparecieron los primeros señales de la crisis política y moral del Estado liberal. La búsqueda intelectual, los cambios en la estructura social condujeron a la crisis ideológica, destruyeron hegemonía de la clase dominante. La lucha de ideas provocó una crisis de mentalidad que aceleraba la búsqueda intelectual. Fue reconsiderado de una manera radical el problema de la intervención estatal en la economía. Los principios básicos del sistema estatal fueron puestos en tela de juicio, lo que condujo a la corrosión del establishment político.

El leitmotiv de la revolución ideológica fue una búsqueda de identidad nacional, una crítica liberal antirracionalista del optimismo positivista histórico, del eurocentrismo, de la democracia como tal. El indigenismo, nacionalismo, diferentes matices y tendencias del

“socialismo” antiliberal desplazaron por completo de la esfera ideológica el liberalismo que era base de los partidos tradicionales. La revolución ideológica expresó un deseo enteramente conciente de la élite patriótica intelectual y política de superar el racionalismo “positivista”, el sentido común del liberalismo que preconizaba “las leyes objetivas” del desarrollo que no abrían ningunas perspectivas para romper el círculo vicioso de atraso y dependencia del país de la metrópoli mundial capitalista. Solo el irracionalismo, el salto voluntarista abrían ante ellos una perspectiva ilusoria (o tal vez no) de liberación política y socioeconómica del país. Los procesos ideológicos prepararon el terreno para nueva práctica política y social orientada a los valores nacionalistas, la cosmovisión voluntarista e irracionalista. La revolución ideológica fue una víspera del “socialismo de estado”, de los regímenes reformistas de los años 40 y hasta la Revolución Nacional de 1952.

El catástrofe de la crisis mundial que destruyó la mayoría de los vínculos económicos y comerciales entre los países, la quiebra de todo el sistema de relaciones financieras internacionales dieron fin a la época del capitalismo liberal. El Estado liberal en el periodo de la crisis y durante la guerra del Chaco mostró su incapacidad completa de una acción socialmente válida, lo que confirmó la perdición del viejo sistema que no estaba preparado a la autoreforma. “La revolución ideológica” y luego la guerra del Chaco condujeron a una crisis política y moral del Estado oligárquico.

La guerra del Chaco llegó a ser un límite donde toma su inicio una nueva época en historia de Bolivia. La guerra despertó el sentimiento nacional en amplias capas sociales. La derrota de Bolivia dió evidencia del detrimento de su sistema político y económico. De la guerra salió “la generación del Chaco” que se dedicó con decisión a reorganizar su propio país. Surgían nuevos partidos y movimientos antioligárquicos, nacionalistas y socialistas que negaban los mismos principios del funcionamiento de la democracia liberal.

La urbanización intensa, el crecimiento de nueva clase media y aumento de su influencia en la sociedad modificaron la correlación de fuerzas políticas empujando a las posiciones dominantes a los partidos y movimientos que representaban los intereses de nuevos grupos sociales. La exigencia principal de la sociedad civil que estaba formandose en este periodo fue la construcción de una verdadera democracia donde viejos y formales principios liberales de libertad individual iban a completarse con la justicia social. La derrota en la guerra del Chaco, la crisis de la sociedad civil del viejo tipo liberal destruyeron las bases del Estado oligárquico que fue construido con el

consenso de capas medias tradicionales y élite dominante, oligarquía minera y terratenientes.

La revolución de los socialistas-militares en mayo de 1936 denotó una aspiración de cambiar el sistema entero porque la democracia liberal del viejo tipo aristocrático de casta llegó a ser disfuncional, no permitía a las amplias masas populares aprovechar los avances del progreso, educación, vida social, apartaba de la participación política en gobernación del país a una gran parte de su población, incluyendo las capas medias. Las ideas de justicia social, la supremacía de intereses de la nación sobre los derechos y libertades del individuo profundamente penetraban en conciencia de los intelectuales y nueva generación de hombres políticos. Los éxitos del comunismo en la URSS, del fascismo en Italia y nacional-socialismo en Alemania al lado del resto del mundo democrático que se encontraba en una crisis económica más profunda hicieron muy atractivas las ideas del Estado antiliberal y antidemocrático. Los militares y sus aliados declaraban la construcción de un régimen político-social absolutamente nuevo – “el socialismo de estado”. Los proyectos corporativistas de D. Toro, su radicalismo en reformar la estructura política del Estado luego fueron reemplazados por el más moderado programa de transformaciones de G. Busch.

Los militares socialistas fueron pioneros, no tenían ni programa claro y determinado, ni doctrina de acción. Lo característico del régimen surgido como resultado de “la revolución de mayo” de 1936 fue ser prematuro, adelantar los estados de ánimo de la sociedad, su conciencia de necesidad y nivel de radicalismo de las reformas. Realmente la sociedad aun no estaba preparada ni para la reforma agraria, ni para la nacionalización de los monopolios mineros, ni para un cambio total del sistema político. Realizando “la revolución de arriba” los militares no se apoyaban en base social orgánica necesaria. Sin apoyarse en un movimiento político serio y estructurado con un programa de acción social y política bien definida, los militares socialistas emprendieron un experimento sin tener ideas claras sobre el contenido, la forma, el ritmo de las reformas a realizar, lo que predeterminó la limitación de estas y al fin de cuentas, la corrosión y caída del régimen.

La política económica del “socialismo de estado” manifestó una ruptura completa con la tradición liberal de no intervención del Estado en la economía. Esta política en general fue caracterizada por el estatismo, una estricta regulación estatal y el nacionalismo económico. Entre los logros de los militares hay que destacar la expropiación de la compañía petrolera norteamericana “Standard Oil” y creación de la empresa estatal YPF, la nacionalización del Banco Central y las medidas para reforzar el control del Estado en la minería, hasta el

decreto histórico del 7 de julio de 1939 sobre la entrega de divisa por los exportadores. Todas las medidas enumeradas perseguían un fin del cual eran muy concientes – lograr la independencia económica del país. Sin embargo faltaba una consecuencia y conjunción de los pasos realizados, lo que debilitó en gran medida y a veces hasta redujo a cero su eficacia. Los militares-socialistas y nacionalistas que los inspiraban emprendían todas estas acciones para crear bajo el control estatal unos grandes fuentes de acumulación para diversificar la economía monoexportadora e iniciar industrialización, lo que iba a crear como resultado las premisas para el desarrollo del capitalismo nacional.

Los militares-socialistas dieron un impulso poderoso al movimiento de alfabetización de los indios. El trabajo de los maestros-indiginistas que empezó desde la creación de las escuelas-ayllu en Warisata, Vacas y Cliza preparó el terreno para un acercamiento del movimiento reformista de la ciudad con la protesta social de las masas indias, para futura alianza del nacional-reformismo y el movimiento campesino. Por primera vez en muchos años el problema agrario llegó a ser uno de los puntos claves del programa de transformaciones de la sociedad.

Dentro de las iniciativas socioeconómicas de los militares-socialistas para transformar el país estaban experimentos agrarios en Cochabamba, prohibición legislativa de las formas odiosas de la dependencia y explotación del campesinado. Sería injusto reprochar a los militares-socialistas de ser indecisos en el problema agrario porque las mismas fuerzas sociales, los partidos y movimientos no elaboraron aun clara estrategia de transformaciones de agricultura. El país vivió una amplia discusión sobre las vías de reformar la agricultura, aparecían las propuestas más variadas - desde parcelación de la tierra hasta su socialización en base de la comunidad.

La razón principal de inconsecuencia de los reformadores en el problema agrario consistió en dependencia del establishment boliviano de las capas medias tradicionales cuya influencia aun era importante, a pesar de estar disminuyéndose paulatinamente. Las capas medias tradicionales en su gran mayoría fueron directamente relacionadas con el sistema latifundista.

El contenido de la reforma política de los militares-socialistas consistió en crear en Bolivia un Estado fuerte consolidado, donde los intereses del individuo y de clases y grupos determinados serían subordinados a las tareas de la construcción nacional. D. Toro proponía formar un sistema corporativo liquidando por completo a los viejos partidos políticos, igual como todas las formas liberales y democráticas de la vida social. Se trataba de estatizar a los sindicatos, partidos, movimientos sociales, prensa etc. por medio de una sindicalización total, poner en práctica los principios de “la democracia funcional” que

no fue otra cosa que una forma del Estado totalitario. G. Busch hizo menos duro este programa, pero a cambio propuso una variante autoritaria de gobernación antidemocrática que lógicamente terminó con el establecimiento de la dictadura. Tanto D. Toro como G. Busch no podían crear un sistema político orgánico capaz de reemplazar a la democracia liberal, lo que condujo a la caída del “socialismo de estado”, tan rápida y sin dolor. Con todas las diferencias de sus visiones de la reforma, lo común de D. Toro y G. Busch fue su aspiración de estatizar la sociedad, burocratizarla, subordinar totalmente al Estado todas las esferas de la vida de la nación, reducir al mínimo la sociedad civil. La inconsecuencia de G. Busch en la reforma de la estructura de estado condujo al compromiso con las fuerzas liberales democráticas. Como resultado de este compromiso fue aprobada la Constitución de 1938.

“El socialismo de estado” trazó las direcciones principales de ideología y política del nacional-reformismo boliviano. El mismo partido nacional-reformista MNR surgió en 1940 como un resultado singular de la gobernación de los militares-socialistas, siendo su heredero. Su núcleo formaron los compañeros de lucha de D. Toro y G. Busch. Precisamente en el periodo del “socialismo de estado” fueron determinados la estrategia económica y el programa de las reformas del nacional-reformismo marcando el fin: industrialización y diversificación de la economía por medio de reforzar el control y papel administrativo del Estado, restablecer la soberanía nacional sobre los recursos naturales, el petróleo y los minerales. El Estado manifestó su decisión de poner al servicio del país a las compañías mineras, sin excluir la nacionalización de algunos sectores. El nacionalismo económico y estatismo se convirtieron en los postulados principales del nacional-reformismo boliviano.

“El socialismo de estado” y luego el nacional-reformismo aspiraron a crear un sistema sociopolítico nuevo. Un papel importante en el futuro sistema social iba a jugar la clase obrera. La mayor preocupación de las capas gobernantes de Bolivia provocó el problema de integrar a la clase obrera en la sociedad y el Estado reformado. Los militares-socialistas y nacional-reformistas proponían un modelo de integración sin incluir a las organizaciones obreras en la sociedad civil, pero estatizando a los sindicatos, mientras la burocracia sindical iba a convertirse en una parte del bloque dominante y del aparato estatal. Si los militares-socialistas intentaban copiar los métodos corporativistas de los Estados fascistas, los nacional-reformistas llevaron hasta su fin lógico la estatización del partido gobernante y de los sindicatos. “El socialismo de estado” puso las bases para formar en Bolivia un modelo del Estado y de la sociedad civil diferente por principio del liberal

democrático. Este sistema estatista y a veces parecido al totalitario se apoyaba en nuevos métodos de movilización social y administración de la economía, asignó al Estado un papel muy diferente de aquel que tuvo en el periodo de dominación de los principios liberales democráticos. Este nuevo Estado venía a reemplazar a la moribunda democracia de casta que se encontraba en una crisis más profunda. Al mismo tiempo junto con un cambio objetivo de las etapas de evolución histórica de la sociedad boliviana, este nuevo modelo permitió concluir el proceso de consolidación nacional de Bolivia, lo que fue una premisa para formar los mecanismos de modernización permanente sin la cual es imposible imaginar la soberanía de la nación, el desarrollo eficaz y la defensa de cultura nacional.

Список сокращений

РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории.

AA – Anuario Administrativo

ABNB - Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia.

ALP.LML. – Archivo de La Paz.Miscelania.Fondo Leon M.Loza.

ANB.PG. – Archivo Nacional de Bolivia. Presidencia del Gobierno.

FRUS - Papers relating to the Foreign Relations of United States.

HAHR – Hispanic American Historical Review

JLAS – Journal of Latin American Studies

MIN.RREE. Alem. – Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Alemania.

MIN.RREE. M.IN. – Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Ministerio del Interior.

MIN.RREE. Pres. – Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Presidencia.

SRE – Secretaria de Relaciones Exteriores de México. Archivo Histórico Genaro Estrada.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Боливия в 20-е годы XX века.	17
Глава 2. Мировой экономический кризис, война в Чако и их последствия.	50
Глава 3. Идейная борьба в Боливии в 20-30-е годы XX века.....	65
Глава 4. Послевоенный политический кризис и военно- социалистический переворот 17 мая 1936 г.....	98
Глава 5. Формирование основ режима «государственного социа- лизма». Правительство Д.Торо (июнь 1936 г. – июль 1937 г.).	139
Глава 6. Новый этап «государственного социализма»: правление Х.Буша.	198
Глава 7. Учредительное собрание, май – октябрь 1938 г.	227
Глава 8. Политический тупик «государственного социализма» (но- ябрь 1938 г. – апрель 1939 г.).	260
Глава 9. Диктатура Х.Буша и конец режима военных- социалистов.	277
Заключение	295
Резюме.....	303
Список сокращений.....	309

Примечание [MSOffice1]:

Примечание [MSOffice2]:

SUMARIO

Introducción.....	6
Capítulo 1. Bolivia en los años 20 del siglo XX.....	17
Capítulo 2. La crisis económica mundial, la guerra del Chaco y sus consecuencias.....	50
Capítulo 3. La lucha ideológica en los años 20-30.....	65
Capítulo 4. La crisis política de post-guerra y la revolución militar-socialista del 17 de Mayo del 1937.....	98
Capítulo 5. La formación del régimen del “socialismo de estado”. El gobierno de D.Toro (Junio 1936 – Julio 1937).....	139
Capítulo 6. La nueva etapa del “socialismo de estado”: el régimen de G.Busch.	198
Capítulo 7. La Asamblea Constituyente, Mayo – Octubre del 1938...	227
Capítulo 8. La crisis política del “socialismo del estado” (Noviembre del 1938 – Abril del 1939).	260
Capítulo 9. La dictadura de G.Busch y el fin del régimen socialista.....	277
Conclusiones.....	295
Resumen.....	303

Примечание [MSOffice3]:

Примечание [MSOffice4]: